

„БИБЛИОТЕКА ВСХОДОВЪ“ № 12.

Ө. Е. Заринъ-Несвицкій.

Подъ гнетомъ судьбы.

Историческая повѣсть.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Безплатное приложеніе къ № 12 журнала „Всходы“ за 1912 г.

Дорогіє друзя!

Представляемъ вамъ историческую повѣсть Оедора Ефимовича Зарина-Несвицкаго «Подъ гнетомъ судьбы». Въ ней авторъ рассказываетъ о смутномъ времени, когда первый русскій царь изъ династіи Годуновыхъ Борисъ Оедоровичъ доживаетъ послѣдніе годы и старается отстранить отъ себя всѣхъ лицъ, которыя могли бы помѣшати взойти на царскій престоль его наслѣднику – сыну Оедору.

Особенное мѣсто отводится династіи Романовыхъ, гоненіямъ на нихъ со стороны царя.

Главный герой повѣсти является Оома Бартенева, служившій Романовымъ и предавшій ихъ, но со временемъ раскаявшійся и принявшій активное участіе въ спасеніи отъ царя Бориса младенца Михаила Романова, ставшаго впоследствии первымъ царемъ изъ ихъ рода.

Нѣкоторое вниманіе въ повѣсти отводится и Лжедмитрію.

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія съ исправленіемъ явныхъ опечатокъ, въ соотвѣтствіи съ изданіемъ отъ 1912 года¹.

Пріятнаго вамъ прочтенія, друзя!

¹ Заринъ, О. Е. Подъ гнетомъ судьбы: Ист. повѣсть / О. Е. Заринъ-Несвицкій. – Санктъ-Петербургъ: печ. Граф. ин-та, 1912. – 144 с.; 19. – (Библіотека «Всходовъ»; № 12).

«БИБЛИОТЕКА ВСХОДОВЪ»

Ө.Е. Заринъ-Несвицкій.

Подъ гнетомъ судьбы.

Историческая повѣсть.

Безплатное приложение къ № 12 журнала «Всходы»
за 1912 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печ. Графическаго Института, 5 Рождественская ул.,
д. № 44

1912.

I.

На высокомъ крыльцѣ длиннаго двухъэтажнаго зданія въ Кремлѣ, гдѣ помѣщались Стрѣлецкій приказъ, Черная палата Стрѣлецкаго приказа, а надъ ними Челобитенный приказъ, стоялъ толстый дьякъ Челобитеннаго приказа и читалъ милостивую грамоту царя и великаго государя, Бориса Ѳедоровича. За дьякомъ на крыльцѣ виднѣлись приказные и нѣсколько стрѣльцовъ. На площади толпился народъ. Задніе съ любопытствомъ вытягивали шеи, но до нихъ долетали только нѣкоторыя слова.

— О чемъ тамъ? слышь? шопотомъ спрашивали другъ друга въ толпѣ.

— Милость государева дворовому Ивану Терентьеву Воинку, а за что, не слышно было, отвѣчали заднимъ тѣмъ, кто былъ поближе.

— Воинку? съ любопытствомъ спросилъ подошедшій въ это время высокій статный молодой человекъ. На немъ былъ кафтанъ тонкаго сукна, подпоясанный краснымъ кушакомъ, темнозеленые сафьяновые сапоги, съ загнутыми острыми носками и круглая, отороченная мѣхомъ шапка. — Это не дворовый ли боярина князя Шестунова? продолжалъ онъ.

— А кто его знаетъ...

Молодой человекъ энергично втиснулся въ толпу и началъ пробивать себѣ дорогу къ приказному крыльцу, не обращая никакого вниманія на толчки и брань.

Но послушать ему не задалось. Едва пробился онъ къ первымъ рядамъ, какъ дьякъ кончилъ чтеніе и, поклонившись на всѣ стороны, скрылся въ дверяхъ приказа.

Толпа загудѣла, всѣ сразу шумно и оживленно заговорили.

— Ишь ты, слышались голоса... — Въ боярскіе дѣти... Да вотчину... А князь-отъ что?... Говорятъ, лихо на царя злоумышлялъ...

Такіе и подобныя разговоры слышались вокругъ молодого человѣка. Толпа расходилась, возбужденно переговариваясь...

Молодой человѣкъ ничего не понималъ.

— Да что жъ было то? спросилъ онъ, оглядываясь во всѣ стороны.

Уже нѣсколько минутъ на него неотступно смотрѣлъ какой-то человѣкъ, по виду изъ торговаго ряда.

— Царское слово милостивое читалъ, отвѣтилъ онъ, приближаясь къ молодому человѣку.

— Ивашкѣ Воинку? спросилъ молодой человѣкъ своего незнакомаго собесѣдника.

— Ему самому, отвѣтилъ незнакомецъ.

— Да за что, про что?

— За заслуги, вѣстимо, отозвался неизвѣстный.

— Милосердъ царь Борисъ Ѳеодоровичъ.

— А какія такія заслуги Ивашкины?

Собесѣдники вмѣстѣ съ тѣмъ медленно двинулись за толпой.

— Чай, князя Ѳеодора Павловича Шестунова знаешь? спросилъ неизвѣстный.

Молодой человѣкъ кивнулъ головой.

— Еще бы! сказалъ онъ, — вѣдь сродственникъ моимъ боярамъ.

Незнакомецъ кинулъ на него острый взглядъ.

— Да я призналъ тебя; ты не боярина ли Александра Никитича Романова человѣкъ?

— Точно, отвѣтилъ молодой человѣкъ. — А почемъ знаешь меня?

— Видальъ тебя не разъ, пріятель, какъ ты на «верхъ» провожалъ своего боярина.

— Оно такъ, провожалъ не разъ на «верхъ» боярина. Я боярина Александра Никитича дворовый и казначей, Оома Бартеневъ, отозвался молодой человекъ.

— Ну вотъ, вотъ, Оома... какъ по отчеству величать-то тебя?

— Васильевъ сынъ, отвѣтилъ Бартеневъ.

— Ладно, Оома Васильичъ, а я тоже казначей боярина, царскаго дворецкаго Семена Никитича Годунова, Степанъ Гавриловъ Чужой, произнесъ незнакомецъ.

При этихъ словахъ Оома опасливо покосился на него.

Чужой какъ будто не замѣтилъ его взгляда.

— Такъ вотъ, началъ онъ, — пойдёмъ, Оома Васильичъ, коли не побрезгуешь, въ кружало къ Игнатьичу... Тутъ недалечко по Съѣстной улицѣ, чай знаешь. А я тебѣ поразкажу, что дьякъ читалъ.

Въ душѣ Бартенева происходило нѣкоторое колебанье. На Москвѣ боялись и ненавидѣли окольникяго Семена Годунова, дворецкаго царскаго. Всѣмъ было вѣдомо, что царь Борисъ, какъ покойный царь Иванъ Васильевичъ, сталъ подозрителенъ, а Семень Годуновъ, какъ новый Малюта, все нашептывалъ царю. И, какъ говорить современникъ лѣтописецъ, «самъ дьяволъ внушилъ царю Борису желаніе знать все, что творится и говорится на Москвѣ». Тутъ-то и услужилъ ему Семень. Не жалѣя царской казны, онъ всю Москву наводнилъ своими доглядчиками. Въ каждомъ знатномъ домѣ были его дозорщики и шептуны; деньгами, волей, саномъ соблазнялъ онъ людей, и не было спасенья отъ него. Братъ доносилъ на брата, мужъ на жену, сынъ на отца... Еще недавно по доносу Семеновыхъ доглядчиковъ царь за неосторожное слово предаль поруганью своего бывшего друга князя Бѣльскаго.

Всѣ эти мысли промелькнули въ головѣ Бартенева, но добродушный видъ Чужого, любопытство, желанье узнать что-либо новое о замыслахъ враговъ, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, какъ Годуновы ненавидѣли и боялись Романовыхъ, а также и собственныя мрачныя мысли, которыя онъ надѣялся развѣять за чаркой «зелена вина» заставили его согласиться на предложеніе Чужого. Онъ кивнулъ головой.

— Ладно, идемъ.

Степанъ Гаврилычъ оживился и, взявъ подъ руку Бартенева, повелъ его внизъ по Съѣстной улицѣ.

Дорогой онъ разсказалъ ему, что читалъ дьякъ.

— Ты, значитъ, знаешь, Ѳедора Петровича Шестунова? Такъ вотъ, кто разберетъ правду-то? Богъ-то ее видитъ, да не скоро скажетъ. Не нашего ума это дѣло. Только былъ холопъ у князя, Ивашко Воинко...

— Какъ же, знаю Ивашку, усмѣхнулся Бартеневъ.

— Ну, такъ вотъ онъ и донесъ великому государю, что князь Ѳедоръ Петровичъ злоумышляетъ на его государеву жизнь...

— Не можетъ того быть! воскликнулъ Бартеневъ — знаемъ мы князя! А Ивашка самая пропащая голова! Разѣ можно ему вѣру давать?

— А ты, пріятель, тише, съ опаской произнесъ Чужой, — не ровно кто услышитъ: подумаетъ, не за одно ли съ измѣнникомъ государевымъ; мы, вѣдь, люди маленькіе; говорю тебѣ, не нашего ума дѣло. Самъ не вѣрю...

— А государь-то? угрюмо спросилъ Бартеневъ. — Государь-то? Чужой хитро улыбнулся.

— Сердце царево въ рукѣ Божіей. Самъ знаешь, не тронули Шестунова, а Ивашкѣ милость царскую объявили. Вотъ сейчасъ дьякъ-отъ и объявлялъ

всенародно Ивашкѣ царскую милость. За усердіе-де царю. И былъ Ивашка холопъ, а нынѣ, милостью царской, объявленъ вольнымъ, да вотчина, близъ Клина, пожалована, да служить ему государь приказалъ въ боярскихъ дѣтяхъ... Такъ-то царь жалуется вѣрныхъ слугъ своихъ, закончилъ Чужой, съ любопытствомъ посматривая на своего собесѣдника.

— Вотъ какъ! и воля и санъ знатный и богатство, это Ивашкѣ-то, криво усмѣхнулся Бартеневъ, сдвигая свои темныя брови.

Въ это время они подошли къ кружалу.

II.

Послѣ словъ Чужого, Бартеневъ какъ-то сразу нахмурился и словно ушелъ въ себя.

Несмотря на ясный августовскій день въ Кружалѣ царилъ полумракъ. Солнце не проникало чрезъ узкія слюдяныя окна. Въ кружалѣ было тѣсно и душно, хотя дверь была гостепріимно распахнута настежь.

Немного осмотрѣвшись, Бартеневъ увидѣлъ стойку, непокрытыя скамьи, столы безъ скатертей. Народу было много. Въ кружалѣ стоялъ гомонъ. То и дѣло изъ-за стола кто-нибудь подымался, подходилъ къ стойкѣ, выпивалъ оловянную кружку водки и лобызался съ Игнатъичемъ, высокимъ рябымъ мужчиной съ полусѣдой бородой и маленькими злыми глазами.

Бартеневъ и Чужой заняли свободное мѣсто въ углу и спросили водки и меду.

Бартеневъ одну за другой хватилъ двѣ кружки, и у него отлегло отъ сердца и захотѣлось излить душу.

Чужой тоже выпилъ, но вино, повидимому, не произвело на него никакого дѣйствія. Онъ внимательно наблюдалъ за Бартеневымъ.

Бартеневъ стукнулъ кулакомъ по столу.

— Такъ вотъ какъ! воскликнулъ онъ, — этотъ песь Ивашка теперь вольный соколъ, самъ имѣеть дворовыхъ. Облыжникъ, воръ...

— Царю усердствовалъ. Много враговъ у батюшки государя, вздохнулъ Чужой. — А вотъ, глянь, за усердіе самъ, какъ бояринъ, заживеть... Не все, говоритъ, крестъ на вѣрность государю цѣловаль...

— Это онъ-то! злобно произнесъ Бартенева и сплюнулъ. — Тьфу! Гадина!

— Да пей, Ома Васильевичъ, прервалъ его Чужой. — Наше дѣло подневольное. Коли самъ о себѣ не озаботишься, кто подумаетъ о тебѣ?..

Увлеченный своими мыслями, Бартенева продолжалъ:

— Пожалуй за царскую милость на какой ни на есть боярышнѣ поженится! Что жъ, вольный да богатый...

— На боярышнѣ не на боярышнѣ, а присмотрѣлъ сотникову дочь стрѣлецкую, отозвался Чужой.

Лицо Бартенева вдругъ исказилось. Онъ поблѣднѣлъ, глаза разгорѣлись.

— Сотникову дочь? хрипло спросилъ онъ, — это кого же?

— А сотника Афанасьева, Орину; первая красавица, отвѣтилъ Чужой.

Остановившимися глазами глядѣлъ на него Бартенева. Онъ тяжело дышалъ. Чужой даже испугался его страшнаго, искаженнаго лица.

Бартенева залпомъ выпилъ кружку и глубоко вздохнулъ. Какъ будто усилиемъ воли онъ поборолъ закипѣвшую въ его душѣ бурю.

— Вотъ оно что! Это что же, самъ песь Ивашка говорилъ тебѣ? Да гдѣ онъ узналъ ее? спросилъ онъ.

Чужой что-то соображалъ нѣсколько мгновений и

потомъ съ легкой усмѣшкой произнесъ.

— Да, самъ мнѣ говорилъ; какъ бывалъ онъ у боярина Семена Никитича, тамъ мы и встрѣтились. Знакомъ-то онъ ей не знакомъ еще, да приглядѣлъ ее въ церкви. Вотъ, говоритъ, жена мнѣ будетъ. Завтра, чай, сватовъ зашлетъ.

— Такъ ты говоришь и не знаетъ ее? порывисто спросилъ Бартенева.

— Ни-ни! Самъ знаешь, ужели стрѣлецкій сотникъ допуститъ до себя двороваго? отвѣтилъ Чужой.

Бартенева облегченно вздохнулъ.

— Ну, теперь оно, конечно, иное дѣло, продолжалъ Чужой, — теперь Ивашка ужъ не Ивашка, а Иванъ Терентьичъ, взысканный царской милостью, ему почетъ и уваженъе. За честь сочтетъ Афанасьевъ. Да ты что, пріятель, такъ всполошился? Али знакома тебѣ Орина?

Настроение Бартенева упало. Онъ выпилъ еще и низко опустилъ голову.

А Чужой продолжалъ нашептывать:

— Чего робѣть! Самъ можешь быть вольнымъ человѣкомъ. Да тебѣ не то, что Ивашкѣ, а вдесятеро противъ него дадутъ... Кто не знаетъ на Москвѣ Ѳедора Никитича Романова съ присными?.. А кто ближе ихъ къ престолу?.. А кого на Москвѣ больше царя любятъ?.. Да пей, Ѳома Васильевичъ! и Чужой подливалъ ему вина, а погруженный въ свои думы Ѳома пилъ и слушалъ.

— Вотъ ты и соображай, говорилъ Чужой. — Ивашка усердіе къ царю показалъ и награду получилъ, и князь Шестуновъ цѣлехонекъ, и царь доволенъ. Ты подумай только. Можетъ, бояринъ твой, что сказалъ, али такъ думаетъ на царя. Самъ знаешь, царь-отъ Ѳеодоръ хотѣлъ престолъ поручить Ѳеодору Никитичу... Царь дружить съ нимъ. Первый человѣкъ у него Ѳеодоръ Никитичъ... Не пропадетъ... Ты подумай, пріятель... да

заходи ко мнѣ... Коли что... А тамъ и Ивашкѣ шею сломишь и Оринушка твоя... Идетъ, что ли?

Бартеневъ посмотрѣлъ на него мутнымъ взглядомъ.

— А ты что, тоже доглядчикъ? хриплымъ голосомъ спросилъ онъ.

— Что ты? Что ты? Христосъ съ тобой! косясь по сторонамъ, прошепталь Чужой...

Но Бартеневъ не слушалъ его.

— Нѣтъ! воскликнулъ онъ, — не бывать тому, чтобы Ивашка да Орину взялъ! Говорю тебѣ, не позволю!.. Я побольше Ивашки знаю!..

Чужой наострилъ уши.

— Оно конечно, Романовъ побольше Шестунова, и честь тебѣ будетъ большая...

— Еще бы, отозвался Бартеневъ, — первый бояринъ на Москвѣ Ѳедоръ Никитичъ. А дня не проходитъ, чтобы братья не видѣлись. То мой бояринъ къ Ѳедору Никитичу, то Ѳедоръ Никитичъ къ моему боярину; а я все тутъ, какъ тутъ...

Онъ засмѣялся пьянымъ смѣхомъ.

— Ну и что же? спросилъ Чужой.

Разумъ еще не совсѣмъ покинулъ Ѳому. Онъ подозрительно взглянулъ на своего собесѣдника и закусилъ губы,

— Ну? настаиваль Чужой.

— Ну и ничего, угрюмо отвѣтилъ Бартеневъ.

Въ глазахъ Чужого сверкнулъ злобный огонекъ.

— Ой ли? насмѣшливо промолвилъ онъ, — такъ-то и ничего? Ты смотри, не шути, пріятель...

Въ его словахъ слышалась угроза.

— Ты самъ только что сказалъ, что братья Романовы злоумышляютъ противъ великаго царя. Что-де сходятся вмѣстѣ, да толкуютъ, какъ извести Борисовъ корень...

Бартеневъ поднялся блѣдный, съ сжатыми кулаками.

— А, доглядчикъ проклятый, прохрипѣлъ онъ, надвигаясь на Чужого, — вотъ я тебѣ...

Но Чужой не двинулся съ мѣста.

— Кабы былъ я доглядчикъ, спокойно произнесъ онъ, — крикнулъ бы я сейчасъ «слово и дѣло государево», и конецъ тебѣ, и не видать тебѣ во вѣки своей Орины... Добра тебѣ желаю...

Эти слова, а, главное, спокойный видъ Чужого, произвели свое дѣйствіе.

Бартеневъ медленно опустился на скамью.

— Кто тебя знаетъ, пробормоталъ онъ, — зачѣмъ говоришь скаредныя слова!..

— А на всякій случай, ухмыляясь отозвался Чужой. — Эхъ ты, продолжалъ онъ, — своего счастья не разумѣешь... Вотъ Ивашка...

— Не говори ты мнѣ о немъ, стискивая зубы произнесъ Бартеневъ... — Пусть сидитъ себѣ пещь спокойно... А Орины не видать ему! закончилъ онъ, ударяя кружкой по столу.

— А нешто знакомъ съ сотникомъ? ухмыляясь спросилъ Чужой... — То-то вижу, самъ не свой сталъ, какъ объ Ивашкиномъ сватовствѣ узналъ...

Бартеневъ угрюмо молчалъ.

— А мнѣ ты вѣрь, продолжалъ Чужой... — не зла тебѣ желаю. И самъ будешь вольный, какъ Ивашка. А коли Шестунова не тронули, то Романовыхъ рукой не достануть. Такъ-то, пріятель, подумай.

Бартеневъ поднялся, надвинулъ на глаза шапку, пошарилъ въ карманѣ, кинулъ на столъ нѣсколько мѣдяковъ и коротко сказалъ:

— Прощай...

— Такъ захаживай, коли что, на дворъ Семена Никитича, произнесъ ему вслѣдъ Чужой.

Бартеневъ, не отвѣчая, нетвердой поступью вышелъ изъ кружала.

Лишь только онъ вышелъ, Чужой пошелъ за стойку и что-то долго говорилъ Игнатьичу. Тотъ киваль головой.

— Ну теперъ онъ нашъ! помни, что доказывать, да молодцовъ приставъ. Въ накладѣ не останешься, закончилъ Чужой.

Игнатьичъ улыбнулся.

— Не впервой, чай на этомъ стоимъ, тихо и весело отвѣтилъ онъ.

Посѣтители кружала Игнатьича и не подозрѣвали, что оно служило мѣстомъ сыска.

Расположенное въ самомъ центрѣ на Съѣстной улицѣ оно кишѣло шпионами. Они вѣчно торчали тамъ, вовлекая въ бесѣду каждое новое лицо, вывѣдывая, спрашивая, подпаивая. Самъ Игнатьичъ давно искусился въ этомъ дѣлѣ и, закрывая глаза, готовъ былъ цѣловать крестъ на обвиненіи, по указанію клеветовъ Семена Годунова, во главѣ съ Чужимъ.

III.

Царь Борисъ любилъ пышность, и когда, бывало, выѣзжалъ онъ изъ Москвы, хотя бы не далѣе шести верстъ, то его окружали стрѣльцы, которымъ на этотъ случай выдавались лошади изъ царскихъ конюшенъ и дворянская конница, во главѣ со знатнѣйшими боярами. Число всей конницы стрѣлецкой и дворянской достигало до 18—20 тысячъ. Цѣлое войско.

Царь Борисъ увеличилъ число стрѣльцовъ на Москвѣ до 10 тысячъ, раздѣлилъ ихъ на приказы, по 500 человекъ; приказомъ начальствовалъ голова. Затѣмъ шли сотники и десятники.

Такъ какъ Александръ Никитичъ, одинъ изъ

первыхъ боярь, всегда сопровождалъ царя и распоряжался царской свитой, то царь нерѣдко поручалъ ему оповестить о своемъ выѣздѣ стрѣлецкіе приказы. Эти порученія Александръ Никитичъ возлагалъ на Бартенева. Такимъ образомъ Оома Васильичъ бывалъ частымъ гостемъ въ Стрѣлецкой слободѣ. Какъ близкаго къ знатному боярину человѣка, его всегда ласково принимали и голова, и сотники. Его принимали и сажали съ собой за столъ, но Оома Васильичъ чувствовалъ и понималъ, что эта учтивость оказывается ему только ради его боярина, что незримая, но непроходная черта лежитъ между нимъ, дворовымъ человѣкомъ, и вольными стрѣльцами.

Бывая по дѣламъ у сотника Афанасьева, познакомился онъ и съ его дочкой, первой красавицей въ слободѣ, Ириной Васильевной.

Не мало сватовъ заѣзжало къ Василию Петровичу, но сотникъ былъ разборчивъ и, поглаживая окладистую бороду, отвѣчалъ:

— Благодаримъ за честь, да молода еще моя Оринишка. Жаль ее.

На самомъ же дѣлѣ честолюбивый и жадный сотникъ, надѣясь на красоту Оринишки, мечталъ выдать ее замужъ за богатаго дворянина или сына боярскаго, а при помощи денегъ или связей пробраться въ стрѣлецкія головы. До сихъ поръ сватались за нее свои же стрѣльцы, да торговые люди.

Съ первой встрѣчи съ Ириной Васильевной Бартеневъ сталъ самъ не свой. Онъ все чаще и чаще началъ наѣзжать къ сотнику, ловко выдумывая и изыскивая предлоги. Ирина тоже скоро обратила вниманіе на стройнаго, красиваго боярскаго посланца.

«Суженаго, говоритъ народъ, — конемъ не объѣдешь». Ирина все больше и больше думала о Бартеневѣ. Ужъ она сама съ трепетомъ ждала его

пріѣзда, и когда, бывало, завидить, какъ онъ вѣзжаетъ на широкой дворъ — зардѣется, какъ заря, и прячетъ пылающее лицо на груди любимой мамушки своей Настасьи.

Однажды, когда сотника не было дома, Ирина случайно или нарочно столкнулась съ Ѳомой въ полутемныхъ сѣняхъ. Оба, смущенные, остановились.

— Здравствуй, боярышня, робко промолвилъ Бартеневъ, и, самъ не зная какъ, рѣшился взять за руку сотникову дочку. На нѣсколько мгновеній Ирина оставила въ его рукѣ дрожащую руку; потомъ вдругъ вырвала ее и вся смятенная убѣжала къ себѣ въ свѣтелку...

Съ этого и пошло...

Начались неслучайныя встрѣчи въ сѣняхъ, робкія слова привѣта...

А какъ загорѣлись зори надъ Москвой-рѣкой, запѣли соловьи въ зазеленѣвшихъ садахъ, тогда, какъ весенній цвѣтокъ, распустилось и сердце дѣвушки. Были недолгія, тайныя встрѣчи въ глухой части сотникова сада, спускавшагося къ рѣкѣ въ пустынномъ мѣстѣ, гдѣ былъ сломанъ тынъ; были робкія признанія... Въ первое время молодые люди не задумывались надъ будущимъ; они переживали лучшую весну своей жизни. Они даже между собою не говорили о немъ.

Но пролетали дни, прошла весна, и въ ихъ душу начинала закрадываться тревога. Что будетъ дальше? Ирина и Бартеневъ понимали, что сотникъ ни за что не согласится выдать свою единственную красавицу дочь за подневольнаго человѣка.

Уже не одну ночь проплакала Ирина. Но въ душѣ Бартенева жила смутная надежда. За время своей службы при бояринѣ, благодаря его ласкѣ и богатству, Ѳомѣ удалось кое-что прикопить себѣ. Зная любовь къ себѣ Александра Никитича, онъ надѣялся, что бояринъ,

пожалуй, дастъ ему вольную и поможетъ жениться на любимой дѣвушкѣ. Но это были только неопредѣленные надежды.

А опасность надвигалась.

Слова Чужого, какъ громомъ поразили его. Воинко получилъ вольность, богатство, санъ, взысканъ царской милостью и хочетъ отнять отъ него Оринушку. Развѣ жадный и честолюбивый сотникъ, мечтавшій сдѣлаться головой приказа, не согласится породниться съ человѣкомъ, награжденнымъ царемъ, имѣющимъ возможность замолвить и за него словечко?

И черныя мысли овладѣвали его душой. Ивашка богатъ, а князь Шестуновъ цѣль, говорилъ ему Чужой. Можетъ и онъ разбогатѣть, а его баринъ останется цѣль. Соблазнъ все глубже и глубже проникалъ въ его душу...

IV.

Федоръ Никитичъ Романовъ, нахмуривъ брови, молча слушалъ взволнованную рѣчь князя Федора Петровича Шестунова. Шестуновъ пріѣхалъ къ нему подѣлиться своей тревогой.

Въ послѣднее время князю донесли, да и самъ онъ замѣчалъ, что вокругъ его дома такъ и рыщутъ доглядчики. Забирались и во дворъ, и на кухню.

— Ну, конечно, и биты бывали, усмѣхался князь. — А потомъ вдругъ стали дворовые пропадать. То одинъ, то другой. А теперь уже человѣкъ десяти не дочтешься. Сперва Федоръ Петровичъ не придавалъ этому большого значенія. Думалъ, что такъ, загуляли люди. Князь былъ уже не молодъ, и за всю жизнь не помнилъ случая, чтобы кто-нибудь изъ дворовыхъ Шестуновыхъ былъ въ бѣгахъ. Князь любилъ и жалѣлъ людей. Жили всѣ на его дворѣ въ сытости и довольствѣ,

даже наказывать и, то наказывалъ рѣдко. Наконецъ это стало его тревожить, а среди дворовыхъ пробѣжало страшное слово «застѣнокъ».

— Не хотѣлъ я этому вѣрить, взволнованно говорилъ князь, — не могъ вѣрить, чтобы посмѣли людей моихъ, безъ вѣдома мнѣ, хватать въ застѣнокъ! Не вѣрилъ я, Ѳедоръ Никитичъ, анъ пришлось повѣрить! Слышалъ, вѣдь? Только и разговоровъ въ Москвѣ, что о Воинкѣ Ивашкѣ.

Ѳедоръ Никитичъ кивнулъ головой.

— Это что жъ, разгорячась продолжалъ князь. — Кто я и кто онъ, Ивашка? Что донесъ онъ? Мнѣ не вѣдомо. Какъ оболгалъ меня передъ царемъ Борисомъ? мнѣ не сказали. И вдругъ на площади всенародно читають ему милостивое царское слово, даютъ волю, мимо меня, вотчину, санъ. И за что же? За то, что этотъ Ивашка объявилъ меня злодѣемъ царскимъ! Меня! меня, князя Шестунова! воскликнулъ Ѳедоръ Петровичъ, ударяя себя въ грудь.

Онъ взволнованно остановился.

Ѳедоръ Никитичъ всталъ во весь свой высокій ростъ. Это былъ мужчина, стройный, сильный, въ полномъ расцвѣтѣ мужества и красоты, съ энергичнымъ красивымъ лицомъ, съ выраженьемъ непоколебимой воли въ большихъ черныхъ глазахъ.

Онъ грозно сдвинулъ брови.

— Да, началъ онъ, — ползуть гады. Золъ и завистливъ Борисъ. Не по сердцу Борису, что Романовыхъ да Шестуновыхъ чествать на Москвѣ больше, чѣмъ царя. Не по сердцу ему, что по смерти царя Ѳедора и Дмитрія царевича, мы единые представители, по теткѣ моей, царицѣ Анастаси, царствовавшего дома Рюрика. Не по сердцу ему это... И съѣлъ бы онъ насъ, да кажется зубы обломаетъ...

Наступило молчаніе. Его прервалъ Шестуновъ:

— Сегодня побоится, завтра побоится, а послѣ завтра и сожретъ, махнувъ рукой, сказалъ онъ. — Не мало около него шептуновъ! Взять хоть Василя Ивановича Шуйскаго, тотъ на чемъ хочешь крестъ поцѣлуетъ.

Романовъ усмѣхнулся.

— Еще бы, не забудетъ ему Москва царевича Дмитрія, промолвилъ онъ. — На Красной площади всенародно крестъ цѣловаль, что Митенька играючи самъ на ножъ накололся... А развѣ невѣдомо?.. Эхъ, да что говорить, прервалъ онъ себя. — Ну, что жъ, продолжалъ онъ, — отъ Бога не уйдешь. Страшно безчестіе, а не смерть. А въ чести моей царь Борисъ не воленъ...

— Коли боится тебя, боится и рода твоего, тихо началъ Шестуновъ и почти шопотомъ добавилъ: — уничтожить насъ, тебя, не пощадитъ и отпрыска твоего, безвиннаго младенца... Недаромъ вспомнилъ ты Митеньку...

Кровь отхлынула отъ лица Ѳедора Никитича. Онъ остановился.

— Мишу, моего Мишу!, воскликнулъ онъ, прижимая къ груди руки... — О нѣтъ, Господи! Ты не допустишь сего! Но, если, если, мрачно сверкая глазами произнесъ онъ, — если руки его!.. О, Господи, я приду къ нему тогда изъ могилы!..

Онъ замолчалъ и перекрестился.

Шестуновъ стоялъ, опустивъ голову.

Черезъ нѣсколько мгновеній Ѳедоръ Никитичъ овладѣлъ собой.

— Нѣтъ, нечего пугать себя, сказалъ онъ, — ровно женщина всполошился я. Не забудетъ Борисъ страшной клятвы, что далъ мнѣ, какъ избирали его на царство. Головами дѣтей, престоломъ и именемъ Бога поклялся онъ держать меня въ первыхъ боярахъ своихъ

и чтить и беречь родъ нашъ. Онъ побоится Божьяго проклятья.

Шестуновъ покачалъ головой. Онъ не вѣрилъ, чтобы Годуновъ могъ чего-либо бояться, кромѣ открытой силы.

Въ это время пришелъ къ брату и Александръ Никитичъ.

Онъ примесь новые темные слухи объ опасности, угрожающей роду Романовыхъ. Всѣ чувствовали, что надъ ними повисла черная туча, что въ сгущавшемся вокругъ мракѣ незримые враги куютъ незримыя козни.

Наконецъ, Ѳедоръ Никитичъ рѣшительно прервалъ всѣ разговоры словами:

— Хорошо, завтра я ѣду къ царю. А теперь, съ прояснившимся лицомъ добавилъ онъ, — идемъ потрапезовать.

На женской половинѣ дома тоже царило тревожное настроеніе. Въ теплой горницѣ съ изразцовой цвѣтной печью, съ большимъ кіотомъ, съ многочисленными лампадами, сидѣли три женщины. Это были боярыни Аксинья Ивановна, жена Ѳедора Никитича, мать ея Степанида Гавриловна Шестова и сестра Ѳедора Никитича, Ирина, бывшая замужемъ за родственникомъ царя, Ѳедоромъ Ивановичемъ Годуновымъ. На полу, на коврѣ возился съ деревянной лошадкой пятилѣтній, голубоглазый Миша, съ кроткимъ личикомъ и свѣтлыми кудрями, и укачивала куклу, сдѣланную изъ цвѣтныхъ лоскутковъ, его шестилѣтняя сестренка, Маша: черноволосая, напоминавшая складомъ лица и темными глазами отца.

Ирина Никитична тревожнымъ шопотомъ передавала, что къ братцу ее прислалъ мужъ. Что злодѣй Семень Годуновъ что-то готовитъ, и надо теперь быть съ опаской.

Аксинья Ивановна съ тоской смотрѣла на Мишу

и ея сердце замирало отъ тяжкаго предчувствія. Степанида Гавриловна тихо крестилась.

— Мужъ говоритъ, передавала Ирина, — что царь что-то сумраченъ. Словно задумалъ что-то... А Сенька все нашептываетъ... Холоповъ держите крѣпче... Слѣдите за ними... Нѣтъ ли межъ нихъ Сенькиныхъ доглядчиковъ... Всяко теперь бываетъ... Какъ государь-то наградилъ Воинка, такъ холопы ровно взбѣленились... Всѣмъ, чай, хочется на волю да въ боярскія дѣти попасть.

— Миша, Маша, поди ко мнѣ, сказала вдругъ Аксинья Ивановна.

— Сейчасъ, мамушка, отозвался Миша, — тпру... тпру, конекъ! лепеталъ онъ.

Маша тихонько положила на коверъ куклу и приблизилась къ матери. За ней подошелъ и Миша.

Аксинья Ивановна страстно прижала ихъ къ груди, словно хотѣла защитить ихъ отъ грядущей бѣды.

Въ горницу вошелъ Ѳеодоръ Никитичъ.

Остановившись на мгновеніе у порога и окинувъ быстрымъ взоромъ женщинъ, онъ сразу увидѣлъ ихъ тревогу и по присутствію сестры угадалъ причину этой тревоги.

Съ громкимъ радостнымъ крикомъ: «Тятя, тятя!» дѣти вырвались изъ объятій матери и бросились къ отцу.

Съ ласковой улыбкой, озарившей его мужественное, суровое лицо, Ѳеодоръ Никитичъ поднялъ обѣихъ дѣтей.

— Здравствуй, сестра! весело крикнулъ онъ Иринѣ.

— Здравствуйте, государь-братецъ, отвѣтила кланяясь сестра Ирина. — Иванъ Иванычъ приказалъ кланяться вамъ и передать... да вотъ боярыня-сестрица знаетъ что... Она указала на Аксинью Ивановну.

Ѳеодоръ Никитичъ быстро взглянулъ на

встревоженное лицо жены и быстро отвѣтили:

— Ладно, ладно, сестрица, благодари Ивана Иваныча. Скажи, низко ему кланяюсь. Чай, велѣлъ передать, что царь косится на насъ, что Семень нашептываетъ, а доглядчики сторожатъ... Такъ ли?

— Да, братецъ, совѣтоваль мужъ опасаться, тихо отвѣтила Ирина. Аксинья Ивановна, видя, что мужъ уже все знаетъ, приободрилась и улыбнулась.

А Ѳедоръ Никитичъ, скрывая въ душѣ смертную тревогу, весело говорилъ:

— Я за вами. Гости дорогіе ждуть. Князь Ѳедоръ Петровичъ да братъ Александръ. Трапезовать идемъ.

И, не спуская дѣтей съ рукъ, онъ пошелъ къ дверямъ.

Но Ирина Никитична отказалась, ссылаясь на то, что ее ждетъ мужъ.

V.

Во время обильнаго обѣда, Ѳедоръ Никитичъ шутилъ, смѣялся и сумѣлъ окончательно разогнать тревогу женщинъ.

— Миша, а Миша, спрашивалъ онъ, — пойдёмъ на татаръ? а?

— Пойдемъ, лепеталъ голубоглазый Миша.

— А ты не боишься?

— Я Богу помолюсь, отвѣтилъ ребенокъ.

Мгновенная тревога пробѣжала по лицу Ѳедора Никитича.

— Молись, голубчикъ, молись, растроганнымъ голосомъ произнесъ онъ, и уже весело продолжалъ:

— Я куплю тебѣ настоящаго конька: вѣдь ты уже большой, — дамъ тебѣ въ руки саблю острую.

— И пряниковъ, тятя, проговорилъ Миша.

— Да, много, много заморскихъ пряниковъ, отвѣтилъ Ѳеодоръ Никитичъ.

Миша положилъ на столъ локотки и широко раскрытыми глазами смотрѣлъ на отца.

— Миша, кушай же, кушай, говорила Аксинья Ивановна, глядя его мягкія кудри; — вотъ скушай этотъ кусочекъ, и она положила ему кусочекъ лебедя.

— Такъ настоящаго конька? произнесъ Миша...

— Да, да, настоящаго...

Миша былъ всеобщимъ любимцемъ. Трудно было найти мальчика болѣе кроткаго и послушнаго. Это иногда не нравилось энергичному и дѣятельному Ѳеодору Никитичу. Нерѣдко онъ корилъ Аксинью Ивановну: «по бабьему ведешь ребенка. Не юбку носить ему...»

Но самъ души не чаялъ въ своемъ Мишенькѣ.

И теперъ, смѣясь и шутя, онъ смотрѣлъ на сына съ безграничной тревогой, и мгновеніями передъ его духовнымъ окомъ носился окровавленный призракъ царевича Дмитрія.

Обѣдъ кончался. Уже подали на столъ олады съ медвяной сотой, засахаренные фрукты, яблоки и груши, пряники и орѣхи.

Самъ Ѳеодоръ Никитичъ разлилъ гостямъ въ кубки романею и, вставъ, громко произнесъ:

— Выпьемъ, други, заздравную чашу!

Онъ высоко поднялъ свой кубокъ и продолжалъ.

— Первое здравіе за царя нашего, великаго государя Бориса Ѳеодоровича. Всѣ встали, чтобы выслушать молитву, которую царь Борисъ приказалъ читать при заздравной чашѣ.

Громкимъ голосомъ Ѳеодоръ Никитичъ началъ читать:

— Благослови Господи и подай, чтобы царь Борисъ Ѳеодоровичъ, единый подсолнечный христіанскій царь и его царица и ихъ царскія дѣти на многія лѣта

здоровы были и счастливы, недругамъ своимъ страшны; чтобы всѣ великіе государи приносили достойную почесть его величеству; имя его славилось бы отъ моря до моря и отъ рѣкъ до концовъ вселенной, къ его чести и повышенію, а преславнымъ его царствамъ къ прибавленію; чтобы великіе государи его царскому величеству послушны были съ рабскимъ послушаніемъ, и отъ посѣченія меча его всѣ страны трепетали; чтобы его прекрасноцвѣтушія младоумножаемыя вѣтви царскаго изращенія въ наслѣдіе превысочайшаго Россійскаго царствія были на вѣки и нескончаемыя вѣки, безъ урыву; а на насъ бы, рабахъ его, отъ пучины премудраго его разума и обычая и милостиваго нрава неоскудныя рѣки милосердія изливались выше прежняго. Аминь!

— Аминь! отозвались присутствовавшіе, и глухо зазвучала заздравная чаша.

Всѣхъ охватило странное, неловкое чувство. Словно тяжестью пали на ихъ сердца мертвыя, холодныя слова молитвы.

— Ну, а теперь выпьемъ еще, за что душа лежитъ, прервалъ тягостное молчанье Александръ.

— И то, братецъ! весело отозвался Ѳеодоръ Никитичъ, наполняя кубки.

Женщины съ дѣтьми поднялись, и низко поклонившись гостямъ, удалились.

Ѳеодоръ Никитичъ перекрестилъ и поцѣловалъ дѣтей.

Мужчины остались одни.

Долго за кубкомъ вина длилась ихъ тревожная бесѣда. Имъ уже не было надобности притворяться; они открытыми глазами смотрѣли на надвигающуюся на нихъ опасность.

Ѳеодоръ Никитичъ, хотя и собрался къ царю, но не возлагалъ на это особыхъ надеждъ. Онъ зналъ, какъ уклончивъ, подозрителенъ и жестокъ въ душѣ Борисъ

Федоровичъ. Онъ заранѣе зналъ, какъ лицемѣрно-ласково встрѣтитъ его царь, какъ будетъ успокаивать его, тая въ душѣ черные замыслы.

Поздно вечеромъ ушли отъ Федора Никитича его гости.

Обычно, какъ всегда, передъ сномъ Федора Никитича къ нему пришелъ за распоряженіями и съ докладомъ его старый дворецкій Іона, служившій еще его отцу, боярину Никитѣ, первому красавцу и щеголю на Москвѣ.

Старикъ былъ очень встревоженъ. Со всѣхъ сторонъ неслись темные слухи. Сегодня въ подвалѣ захватили невѣдомаго человѣка. Невѣдомо, что дѣлалъ тамъ; какъ зачали бить его, такъ сознался, что доглядчикъ онъ, и велѣно ему слѣдить за дворомъ Романовыхъ. А еще, что всего больше тревожило стараго Іону, это то, что пропало трое дворовыхъ и среди нихъ любимый стремянной Федора Никитича — Андрюшка.

Все это доложилъ старый дворецкій своему боярину.

Федоръ Никитичъ понялъ, что опасность надвинулась вплотную, разъ рѣшились хватать его дворовыхъ. Что они были схвачены по приказанію Годунова, онъ нисколько не сомнѣвался.

Отпустивъ Іону, Федоръ Никитичъ долго и горячо молился...

VI.

Минуя Спасскій мостъ, внизъ подъ гору къ Москвѣ рѣкѣ, возвышалась у Константиновскихъ воротъ Кремля такъ называемая Отводная башня. Въ самой стѣнѣ Кремля, въ этомъ мѣстѣ, и въ Отводной башнѣ виднѣлись узкія, какъ бойницы, отверстія, задѣланныя

желѣзными рѣшетками.

Рѣдко кто безъ крайней необходимости рѣшился бы пройти вечеромъ мимо этого проклятаго мѣста. А если это случалось, человѣкъ спѣшилъ пройти, испуганно крестясь. Изъ-за толстыхъ стѣнъ словно слышались тихіе, замирающіе стоны и подавленные крики.

Это былъ страшный «застѣнокъ». Отводная башня Константиновскихъ воротъ имѣла другое, ужасное названіе. Ее прозвали «пыточной».

Въ самой стѣнѣ были устроены тюремныя клѣтки. Съ внутренней стороны, за стѣною, была особая пристройка, «застѣнокъ», какъ обычно назывались всякія пристройки за стѣною, но получившій отсюда иное, ужасное значеніе. Застѣнокъ соединялся съ пыточной башней. И тамъ и здѣсь, и днемъ и ночью, въ Борисово царствованіе, пылали горны, калились желѣзные щипцы, раздавались дикіе вопли нечеловѣческой муки, молитвы и проклятья... Слышались глухіе удары кнутовъ, и стоялъ въ густомъ, жаркомъ воздухѣ отвратительный запахъ крови и горѣлаго мяса...

Мрачные, безмолвные палачи, больше изъ колодниковъ, всѣми отверженные, всѣми презираемые, вершили здѣсь свою ужасную работу. Эти палачи, ненавидимые всѣми, сами ненавидѣли всѣхъ. Только здѣсь они ничего не боялись. Выходя за свои стѣны, что бывало очень рѣдко, они должны были прятаться, какъ звѣри, потому что, узнай ихъ въ толпѣ, — ихъ не пощадили бы.

Бывали не разъ случаи, когда гдѣ-нибудь въ глухомъ мѣстѣ находили изуродованный трупъ палача.

И въ этомъ страшномъ царствѣ крови и мукъ всеильнымъ владыкою былъ Семенъ Годуновъ. Здѣсь было его любимое мѣсто пребываніе. Въ послѣдніе мѣсяцы, когда подозрительность царя достигла крайняго

предѣла, Семень Никитичъ нерѣдко и ночеваль въ страшномъ застѣнкѣ.

Масляныя лампы на столѣ чадили, бросая желтый свѣтъ на разложенные пыточные листы. Въ углу пылалъ горнъ. Въ сводчатомъ подвалѣ, при красномъ свѣтѣ горна, видны были какія-то странныя петли и крючья на блокахъ, свѣшивающихся съ потолка. По стѣнамъ стояли странныя приспособленія — какія-то большія тиски, съ винтомъ, доски съ вбитыми въ нихъ маленькими деревянными острыми гвоздями, большое зубчатое колесо и много, много страшнаго и непонятнаго, на первый взглядъ.

За столомъ сидѣлъ Семень Никитичъ, по бокамъ его двое приказныхъ изъ разбойнаго приказа, приготовившихся записывать показанія допрашиваемыхъ.

Семену Никитичу было жарко. Онъ снялъ съ себя кафтанъ и остался въ шелковой красной рубашкѣ, застегнутой яхонтовой запонкой. Поглаживая длинную, узкую, рыжую бороду, онъ прищуренными змѣиными глазами глядѣлъ на стоящего передъ нимъ молодого человѣка.

Царскому дворецкому было уже подъ пятьдесятъ лѣтъ. Его внѣшность была столь же отвратительна, какъ и его душа. Густые, рыжіе волосы начинались низко надъ его бровями. Самое лицо его, длинное, узкое казалось рыжимъ, отъ массы покрывавшихъ его веснушекъ. Большой горбатый носъ свѣшивался надъ большимъ ртомъ съ тонкими синеватыми губами. Глубоко запавшіе зеленые глаза глядѣли холоднымъ пронзительнымъ взглядомъ. Въ свое время, еще молодымъ человѣкомъ, Семень былъ любимъ Малютой Скуратовымъ, насколько, конечно, это чувство было доступно этому человѣку.

Въ послѣдніе дни Семень Никитичъ приходилъ

въ неистовое бѣшенство. Онъ удивлялъ своей сатанинской изобрѣтательностью даже старыхъ палачей, «работавшихъ» при Малютѣ. И было съ чего бѣситься. День ото дня царь становился раздраженнѣе и раздраженнѣе. По два и по три раза въ день призывалъ онъ его къ себѣ и угрюмо спрашивалъ, найдены ли новые царскіе лиходѣи, о которыхъ шептали доглядчики? И Семень отлично понималъ, что подъ этимъ вопросомъ таился другой — не донесъ ли кто изъ ближайшихъ слугъ на Романовыхъ, не доказалъ ли вины на нихъ или на князя Шестунова?

Хотя Воинко и былъ награжденъ за доносъ на князя, но царь по одному доносу все же не рѣшался захватить его и ждалъ доказательствъ, и былъ, видимо, недоволенъ Семеномъ. Семень приказалъ хватать слугъ Шестунова и Романовыхъ и приводить въ Константиновскій застѣнокъ. И тутъ вся его хитрость, и ласки, и пытки оказались безсильны передъ вѣрностью рабовъ.

Онъ сулилъ помѣстья, деньги, волю — ему отвѣчали одно: «Чистъ бояринъ передъ Богомъ и государемъ». Онъ предавалъ допрашиваемыхъ ужаснѣйшимъ пыткамъ, и посинѣвшія губы, едва разжимаясь шептали:

— Чистъ бояринъ передъ Богомъ и государемъ.

Правая рука Семена Никитича — Чужой, его первый помощникъ, съ утра до ночи рыскалъ по Москвѣ въ погонѣ за желанной добычей, и ничего не находилъ.

Семень прямо скрежеталъ зубами, слушая его донесенія.

Ничего! ничего! ничего!

Чужой не сказалъ ему о встрѣчѣ съ Бартевымъ и затаилъ въ душѣ назрѣвавшій планъ предательства. Онъ боялся, что нетерпѣливый Семень Никитичъ испортитъ налаженное дѣло.

Рискуя навлечь на себя гнѣвъ трусливаго, хотя жестокаго царя, Семень за свой страхъ захватилъ любимыхъ слугъ Романова. Во что бы то ни стало онъ рѣшилъ доказать несуществующія вины боярина Ѳедора Никитича, коего больше всѣхъ опасался Борисъ. Царь зналъ, что тронуть Ѳедора Никитича — значитъ тронуть самое родовитое боярство на Москвѣ, — князей Шестуновыхъ, Черкасскихъ, Рѣпниныхъ, Сицкихъ, дворянъ Шестовыхъ и многихъ другихъ родственниковъ и свойственниковъ Романовыхъ. А за каждымъ изъ нихъ стояли дворовые, стояли московскіе люди. У каждаго изъ нихъ былъ цѣлый кругъ людей, составлявшихъ какъ бы семью, пользовавшихся ихъ покровительствомъ и поддержкой. Съ опалой ихъ было соединено разореніе половины Москвы. Сицкіе покровительствовали торговому люду, Шестуновы тоже. Не разъ они спасали отъ правежа и ямы разорившагося купца. Черкасскій и Александръ Романовъ были любимы въ стрѣлецкихъ приказахъ, а Ѳедора Никитича знала вся голытьба московская, которую онъ задаривалъ деньгами и кормилъ каждую субботу. На его просторномъ дворѣ каждую субботу жарились цѣлые быки, выставлялись бочки меду и пива, и съ ранняго утра до поздняго вечера стекались на дворъ толпы голодной голытьбы.

Царь Борисъ зналъ все это и боялся тронуть Романова, опасаясь всеобщаго возмущенія. Если бы онъ имѣлъ въ рукахъ доказательства, онъ могъ бы начать дѣло. Но простой оговоръ былъ недостаточнымъ оружіемъ для борьбы. Во что бы то ни стало надо добыть доказательства.

VII.

Передъ Семеномъ Никитичемъ стоялъ молодой, стройный красавецъ Андрюшка, стремянной боярина

Федора Никитича.

Семень Никитичъ долго молчалъ. Онъ хотѣлъ, чтобы стремянной Андрюшка осмотрѣлся хорошенько и проникся ужасомъ окружающей его обстановки и своего положенія.

Но на смугломъ лицѣ Андрюшки, въ его смѣлыхъ глазахъ, равнодушно скользившихъ по страшнымъ, невѣдомымъ орудіямъ пытки, было выраженіе пренебрежительнаго ожиданія.

Какъ московскій житель, онъ хорошо зналъ то мѣсто, куда его привели, и зналъ, что ожидаетъ его, но лицо его было спокойно, съ презрительной усмѣшкой на губахъ.

Семень Никитичъ устремилъ на него острый взглядъ своихъ змѣиныхъ глазъ.

— Андрей, Авдѣевъ сынъ, стремянной боярина Федора Никитича Романова? спросилъ онъ.

Андрюшка тряхнулъ черными кудрями.

— Такъ, бояринъ.

— Слыхалъ про царскую милость Ивану Воинку? продолжалъ Семень.

— То — дѣло царево, отозвался Андрюшка.

— Къ царю мыслилъ онъ, вотъ и награду получилъ, произнесъ Семень Никитичъ.

— Диво ли? отвѣтилъ Андрюшка, — всѣ мы къ царю мыслимъ.

— Лжешь! отвѣтилъ Семень. — Всѣмъ вѣдомо, что твой бояринъ крамольникъ, а ты молчишь. Не по правдѣ крестъ цѣловаль!

— Мой-то бояринъ крамольникъ? съ усмѣшкой отозвался Андрюшка; — про то не вѣдомы.

— Послушай, Андрей, убѣдительнымъ тономъ началъ Семень, — безъ тебя все уже извѣстно о лиходѣѣ. Ты только скажи, какія слова говорилъ твой бояринъ противу государя? Милостивъ царь Борисъ,

теперь уже все равно. Ты не виноватъ. Скажи, вѣдь ты крестъ цѣловаль, скажи только, что злоумышляетъ твой бояринъ?... Вольнымъ человѣкомъ будешь, вотчину дамъ тебѣ... Подумай.

— Благодарствуй, бояринъ на ласкѣ, отвѣтилъ съ усмѣшкой Андрюшка, — только темны твои рѣчи... Нечего сказать мнѣ противу боярина моего.

— И не говори, замѣтилъ Семень; — кто вѣрнаго раба выставить противу господина моего? Ты просто скажи, какъ сѣзжались братья Романовы, какія рѣчи промежъ себя вели... А мы сами разберемъ...

— Какія рѣчи? отвѣтилъ Андрюшка. — Вѣстимо какія: милостивъ-де царь Борисъ, любитъ и холить своихъ ближнихъ бояръ. Не то, что царь Иванъ Васильевичъ. Что-де не бывало того при царѣ Борисѣ, чтобы хватали холоповъ да слугъ надворныхъ. Говорили, да... Еще говорили, что надо бы царю батюшкѣ сказать, каковы таковы слуги есть у него, что ровно волки рыщутъ по Москвѣ да людей хватаютъ по слову всякой сволочи скаредной. А помимо сего ничего слушать не довелось, бояринъ. Такъ-то! И Андрюшка гордо выпрямился, засунувъ за кушакъ руки.

Была глубокая ночь, когда Семень Никитичъ, чуть не шатаясь отъ усталости, возвращался домой. Опять неудача. Опять никто не признался. Что-то завтра скажетъ царь?

VIII.

Всѣ дни послѣ своей встрѣчи съ Чужимъ Бартеневъ ходилъ, какъ въ воду опущенный. Въ тотъ же вечеръ онъ отправился къ Афанасьеву, не имѣя даже готоваго объясненія своего посѣщенія. Но на его бѣду оказалось, что сотникъ былъ въ этотъ день въ нарядѣ въ Кремлевскомъ дворцѣ, а дочь съ мамкой Настасьей

отправилась въ Новодѣвичій монастырь, навѣстить свою бабу, постригшуюся въ монахини еще при царѣ Иванѣ, послѣ казни своего мужа, дворецкаго князя Крутогорова.

Нѣсколько дней подъ рядъ Бартеневъ наѣзжалъ въ слободу, но все неудачно. Наконецъ онъ засталъ сотника.

Обращеніе сотника сразу поразило его. Еще такъ недавно онъ, памятуя, что Романовы первые бояре на Москвѣ, оказывалъ ему почетъ и уваженіе и принималъ почти какъ равню. Теперь же въ его обращеніи сказалась надменность. Онъ отнесся къ Ѳомѣ свысока, не пригласилъ его въ горницы и сухо спросилъ, зачѣмъ-де пожаловалъ?

Бартеневъ не былъ приготовленъ ни къ такому, пріему, ни къ такому вопросу. Сперва онъ опѣшилъ, а потомъ злоба поднялась въ его сердцѣ. Онъ коротко отвѣтилъ, что, дескать, бояринъ Александръ Никитичъ послалъ его предупредить, что царь собирается выѣхать, такъ чтобы были наготовѣ.

Сотникъ пренебрежительно усмѣхнулся и промолвилъ:

— Суетится твой бояринъ. Еще ничего не видя, полошитъ людей. Поѣдетъ царь или не поѣдетъ, а онъ ужъ нарядъ готовить. А напредки, другъ съ такими дѣлами обращайся къ десятнику. Ну будь здоровъ!

И повернувшись, сотникъ важно прошелъ въ горницу.

Какъ окаменѣлый стоялъ Бартеневъ. «Что это?» думалъ онъ. И невольно выплывала мысль, что значить уже Романовымъ приходится плохо, Бартеневу было извѣстно, какъ пропадали холопы Романовыхъ, извѣстны были и всѣ слухи, ходившіе по Москвѣ; наконецъ, было извѣстно, что послѣ милости, оказанной Воинку, царь не пускалъ къ себѣ Шестунова, хотя и не

трогалъ его.

Съ чувствомъ обиды, тоски, ревности вышелъ онъ на дворъ. Но здѣсь онъ испыталъ еще униженіе. На дворъ въ сопровожденіи слугъ вѣзжалъ съ важнымъ видомъ Воинко. Его корявое лицо, съ рѣдкой бородкой и впалыми мутными глазами, сіяло самодовольствомъ. Онъ держался съ преувеличенной важностью. Замѣтя Бартенева, онъ презрительно взглянулъ на него и, слѣзая съ коня, громко сказалъ, указывая глазами на Оому:

— Это что жъ, новый холопъ Василья Петровича?

Сжавъ кулаки и стиснувъ зубы, Оома сдѣлалъ шагъ къ нему. Но въ это время на крыльцѣ появился самъ сотникъ.

— Дорогой гость! закричалъ онъ, спускаясь со ступеней крыльца, не обращая никакого вниманія на Бартенева, какъ будто дѣйствительно тотъ былъ его холопомъ.

Засуетились люди, и Ивашку, торжественно поддерживая подъ локти, повели наверхъ.

Бартенева остался одинъ.

Ему показалось, что онъ видѣлъ страшный, уродливый сонъ. Оринушка, Ивашка, Романовы сливались въ его головѣ въ одинъ кошмаръ. Онъ вскочилъ на коня и погналъ его. Онъ скакалъ, едва разбирая дорогу, пока не попалъ на Съѣстную улицу. Доѣхавъ до кружала Игнатьича, онъ, повинуясь невольному порыву, осадилъ лошадь, соскочилъ наземь, привязалъ ее къ коновязи и вошелъ въ кружало.

Игнатьичъ радушно закивалъ ему головой. Бартенева кивнулъ ему и спросилъ водки. Послѣ двухъ кружекъ онъ какъ будто пришелъ въ себя. Мрачное отчаянье овладѣло имъ. Онъ вспомнилъ слова Чужого о намѣреніи Воинка сватать Оринушку. Судя по встрѣчѣ,

оказанной Воинку сотникомъ, было ясно, что его домогательства имѣють успѣхъ.

— Здорово, Оома Васильевичъ! раздался надъ его ухомъ насмѣшливый голосъ.

Оома вздрогнулъ, поднялъ голову и встрѣтилъ острый, хитрый взглядъ Чужого.

Онъ даже обрадовался.

— А, Степанъ Гаврилычъ! произнесъ онъ, здороваясь съ нимъ.

— Что братъ невеселъ, ниже плечъ буйну голову повѣсилъ? продолжалъ Чужой... — А я все, братъ, о тебѣ думалъ.

— Что такъ? спросилъ Оома.

Чужой низко наклонился къ нему и зашепталъ.

— Предупредить тебя хотѣлъ. На Романовыхъ гроза собралась. Холопы ихъ перехвачены. Повинились. Можетъ и до тебя дойдетъ очередь. А Ивашка уже, почитай, женихъ.

Оома молча слушалъ его, опустивъ голову, съ застывшимъ страдальческимъ выраженьемъ на лицѣ.

— Не слушалъ ты меня, продолжалъ Чужой, — послушай хоть теперь, и я вызволю тебя; самъ царь сватомъ твоимъ будетъ.

— Не шути, глухо отозвался Оома.

— Какія тутъ шутки! возразилъ Чужой... — Пользуйся, пока не поздно. Я скажу тебѣ... и низко наклоняясь къ уху Бартенева онъ что то зашепталъ быстро, быстро...

И чѣмъ дальше говорилъ онъ, тѣмъ больше блѣднѣлъ Оома.

Наконецъ, онъ откинулся назадъ, протягивая руки.

— Нѣтъ, нѣтъ, не могу! хрипло произнесъ онъ.

Чужой хихикнулъ.

— Какъ хочешь, сказалъ онъ... — Видно дыба

тебѣ слаще Оринушки твоей. Ужъ ты на примѣтъ. Кабы не я, давно бы быть тебѣ въ Константиновскомъ...

— Дай одуматься, блѣдный, съ помутившимися глазами сказалъ Оома, низко опуская голову.

— Я что жъ? Развѣ я неволю тебя? отозвался Чужой. — Помни только, торопись. Боярина не спасешь и самъ ни за что себя погубишь.

Оома погрузился въ мрачное раздумье. Въ его умѣ проносилась вся его жизнь. Бѣдность, одиночество, униженья. Потомъ вниманіе и ласка боярина Александра Никитича, который мало-по-малу приблизилъ его къ себѣ и, наконецъ, сдѣлалъ его первымъ челоуѣкомъ у себя. Довѣрилъ ему и людей, и казну, и самого себя... И вотъ теперь, когда гибнетъ бояринъ — измѣнить ему!.. Но Чужой говоритъ, что все равно нѣтъ спасенья, только себя можетъ погубить... А тамъ воля, богатство, счастье...

— Я повидаю тебя, наконецъ глухо сказалъ онъ, — но сперва я долженъ дожидаться Орины, закончилъ онъ, уже не находя нужнымъ скрывать отъ Чужого своихъ чувствъ и надеждъ.

— Добро, добро, отвѣтилъ Чужой... — Слышалъ я, что боярышня завтра поутру вернется.

Онъ хитро подмигнулъ.

— А завтра поутру сотника Афанасьева поставимъ въ нарядъ. Такъ, что ли, пріятель?

Оома не отвѣтилъ и всталъ съ мѣста.

— Такъ завтра вечеромъ? спросилъ Чужой.

Оома кивнулъ головой.

— Завтра вечеромъ, повторилъ онъ, — а тамъ... Онъ не кончилъ.

— Будь здоровъ, и Оома вышелъ изъ кружала.

Дома его ждали невеселыя вѣсти. Среди дворни была тревога. Снова пропалъ одинъ изъ дворовыхъ, псарь Никита. Оома мрачно слушалъ, что говорили ему

люди, и ему казалось, что все вокруг подтверждало слова Чужого. Нѣтъ спасенья. Онъ самъ еще, кромѣ того, замѣтилъ бродящихъ вокругъ дома доглядчиковъ.

Не прошло и часа, какъ вернулся онъ домой, какъ пришли его звать на верхъ къ боярину.

Александръ Никитичъ встрѣтилъ его замѣтно взволнованный. Оома остановился у порога.

— Войди, войди, Оома, произнесъ бояринъ, да запири за собою дверь покрѣпче.

Повинуясь его словамъ, Оома вошелъ въ горницу, плотно закрывъ за собою дверь.

— Вотъ что, началъ бояринъ, — самъ знаешь, вѣрю и люблю тебя...

Каждое слово Александра Никитича тяжело падало на сердце Оомы.

— Плохо приходится, Оомушка, ласково продолжалъ бояринъ, — самъ знаешь, какъ лютъ царь Борисъ.

Оома наклонилъ голову.

— До насъ теперь добирается. Поперекъ дороги стоимъ ему. Не мытьемъ, такъ катаньемъ хочеть онъ доѣхать до насъ... Не пойдешь противъ него.

Александръ Никитичъ помолчалъ и потомъ въ волненіи продолжалъ:

— Слушай, Оома, что я скажу тебѣ. Подыми на вѣрность руку, вотъ такъ, и сложивъ пальцы, какъ для крестнаго знаменія, бояринъ поднялъ правую руку.

Мысли въ головѣ Оомы путались, но повинуясь словамъ боярина, онъ машинально поднялъ руку.

— Исполнишь мою волю? спросилъ бояринъ.

— Исполню, глухо отвѣтилъ Бартеньевъ.

— Не выдашь?

— Не выдамъ, прерывающимся голосомъ, едва держась на ногахъ, отвѣчалъ Бартеньевъ.

— Тогда, вотъ, подойди сюда, сказалъ бояринъ.

Оома послушно подошеть.

Александръ Никитичъ подвелъ его къ стѣнѣ.

— Ты знаешь, началъ онъ, — что домъ мой строенъ давно. Чай слышалъ объ этомъ?

Оома кивнулъ головой.

— Еще при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, что женатъ былъ на грекинѣ, а строилъ его Маркъ Фрязинъ, онъ же и боярамъ Ряполовскимъ строилъ хоромы. Сто лѣтъ назадъ. Знаешь?

Оома снова кивнулъ головой.

— Такъ вотъ, смотри, да подойди ближе, чтобы не запамятовать, продолжалъ бояринъ... — Ну теперь считай изразцы. Вотъ разъ, два, три, четыре, теперь бери отъ правой руки, разъ, два, три, третій изразецъ значить. Теперь смотри, какъ бы муха сидить. Нажми крѣпче, ну крѣпче.

Оома изо всей силы нажалъ пальцемъ на указанное мѣсто. Съ тихимъ скрипомъ повернулся кирпичъ и незримыя дотолѣ раскрылись дверцы и показалаь небольшая комнатка.

Какъ очарованный стоялъ Оома. Зналъ онъ, какъ и вся Москва, что богатъ бояринъ Александръ Никитичъ, но то, что увидѣлъ онъ, превзошло всѣ его предположенія.

Бояринъ самъ принесъ свѣчи.

Одинъ за другимъ раскрывалъ онъ небольшіе сундучки. Въ одномъ хранились золотыя монеты со временъ Ивана III, въ другомъ золотая посуда, потомъ жерелья, запястья, жемчугъ, самоцвѣтные каменя.

— Смотри, Оома, говорилъ Александръ Никитичъ, — это все принадлежитъ роду Романовыхъ. Богаты мы и безъ этого. Но это кладъ заповедный. Знаетъ о немъ братъ Оедоръ и бережемъ мы его для будущаго. Неисповѣдимы судьбы Бога. Тучи надъ нами. Грянетъ царскій гнѣвъ, самъ знаешь, и имѣнье и животы

наши все отойдетъ тогда въ царскую казну, ничто не уцѣлѣетъ, но останется этотъ кладъ заповѣднѣй. Одна отрасль старшая послѣ гибели нашей — племянникъ мой, братнинъ сынъ, Миша. Ему это. Понялъ? Такъ вотъ, ежели мы погибнемъ, знай про кладъ этотъ. Помни, что Мишинъ онъ. Коли захватятъ насъ, спасай кладъ... Вотъ и все... закончилъ Александръ Никитичъ.

Съ этими словами онъ вышелъ и затворилъ тайникъ.

— Бояринъ, дрожащимъ голосомъ произнесъ Бартеневъ... — рабъ я твой, и ежели не погибну вмѣстѣ съ тобой, то сдѣлаю все по приказу твоему...

Александръ Никитичъ обнялъ его...

IX.

Оома вернулся къ себѣ въ клѣтъ, обуреваемый разнородными чувствами. Передъ его ослѣпленными взорами мелькали груды золота и горѣли самоцвѣтные камни. Гдѣ-то въ глубинѣ души какъ змѣя, шевелилось чувство завистливой жадности и рядомъ съ этимъ онъ былъ взволнованъ лаской и довѣріемъ боярина. Но тутъ же соблазнъ нашептывалъ ему:

— На что это золото? Самъ бояринъ сказалъ, что ждуть Романовы гибели отъ царя. Кабы не чуялъ онъ близкой гибели, не довѣрилъ бы своему казначею заповѣднаго клада. Чужой правильно говорилъ: спѣта ихъ песенка, почто же гибнуть съ ними? Эхъ, кабы волю, да хоть немного этого золота и была бы Оринushка его женой... При этой мысли голова его кружилась. А Ивашка? Уже женихъ. При этой мысли его сердце загорѣлось. — Не отдамъ! Не отдамъ! громко твердилъ онъ. Имъ овладѣло неодолимое желанье сейчасъ же увидѣть Ирину. Быть-можетъ она и пріѣхала.

Онъ вскочилъ съ мѣста и вышелъ во дворъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже скакалъ въ Стрѣлецкую слободу.

Привязавъ у тына лошадь, Оома пролѣзъ черезъ знакомый проломъ въ сотниковъ садъ.

Уже спускался тихій лѣтній вечеръ. Въ саду было тихо. Утромъ, когда былъ Оома, Ирины еще не было. Но какая-то непобѣдимая увѣренность наполняла его душу. Онъ ждалъ, притаясь въ густыхъ кустахъ возлѣ скамьи, где они всегда встрѣчались. Неслышно текли минуты. Загоралась луна надъ тихимъ садомъ. Но вотъ среди кустовъ мелькнулъ бѣлый сарафанъ, потомъ послышался робкій шопоть:

— Мамушка, покарауль, я только взгляну...

И на дорожкѣ, освѣщенной луной, показалась стройная фигура Ирины.

Осторожно озираясь, подходила Ирина къ завѣтной скамьѣ. Оома не выдержалъ:

— Я здѣсь, моя радость, громкимъ шопотомъ произнесъ онъ, раздвигая кусты. Дѣвушка слабо вскрикнула, но тотчасъ узнала Оому и бросилась къ нему...

Они сѣли на скамейку.

Оома держалъ ея руку и не могъ наглядѣться на Ирину. Но первый порывъ радости прошелъ и не веселье былъ ихъ разговоръ.

Худшія опасенія Оомы подтвердились. Все, что говорилъ Чужой, все, что самъ онъ подозрѣвалъ, оказалось правдой.

Ирина, плача и закрывая лицо руками, рассказала ему, что отецъ принялъ Ивашкино сватовство и приказалъ ей готовиться къ свадьбѣ. Она даже не знала Ивашки, только мелькомъ видала его. За нее рѣшилъ отецъ. Напрасно плакала она, напрасно молила суроваго отца, — ничто не помогало.

Оома пробовалъ утѣшать ее, но что могъ сказать

онъ? Онъ, подневольный, дворовый челоуѣкъ! Онъ сбивчиво говорилъ о своемъ бояринѣ, о своихъ надеждахъ на его доброту, и въ своемъ увлеченіи онъ рассказалъ о тайникѣ, о грудяхъ золота.

— Развѣ жаль ему дать мнѣ сотню золотыхъ да волю? говорилъ онъ.

Но Ирина все сильнѣе и сильнѣе плакала, и все глубже отчаянье, злоба, ненависть къ Ивашкѣ и любовь къ Иринѣ овладѣвали сердцемъ Оомы.

За ними въ кустахъ что-то зашумѣло, но онъ не обратилъ на это вниманія...

— Спаси меня, спаси, мой соколь, рыдая твердила Ирина, — я не могу, я руки на себя наложу... Я убѣгу... Бѣжимъ вмѣстѣ...

— Бѣжать, куда? Съ чѣмъ? И развѣ это возможно?

На одно мгновенье въ умѣ Оомы мелькнула дѣйствительно мысль бѣжать съ Ириной на Литву, но онъ сейчасъ же понялъ всю неосуществимость этой мысли. Вездѣ по дорогѣ въ Литву стояли заставы. И кто онъ? Какъ бѣглаго холопа схватили бы его у первой заставы. А потомъ? Батоги, плети... И что будетъ съ ней? Онъ низко опустилъ голову...

Шорохъ за скамьей повторился и все стихло.

— Боярышня, ау! громко раздался, вблизи голосъ Настасьи. Это былъ условный сигналъ. Ирина въ испугѣ вскочила.

— Боярышня, крикнула подбѣгая Настасья, — Василій Петровичъ кличетъ...

— Не плачь, не тоскуй, шепнулъ Оома.

Ирина съ отчаяньемъ махнула рукой.

— Аринушка! послышался голосъ сотника, — Аринушка!

— Прощай, любимый, прошептала Ирина и бросилась бѣжать.

Неподвижно смотрѣлъ ей вслѣдъ Оома и слезы злобы и горя застилали его глаза...

Онъ медленно повернулся и тихо пошелъ изъ сада. Но едва онъ вышелъ на пустынный берегъ Москвы рѣки, какъ возлѣ него появилась темная фигура. На глухихъ берегахъ Москвы рѣки нерѣдко бродили недобрые люди, занимавшіеся грабежомъ и разбоями. Царь Борисъ обратилъ на это свое вниманіе и принималъ строгія мѣры, но разбои не прекращались, главнымъ образомъ потому, что разбойники умѣли дѣлиться съ приставами. Оома былъ молодъ и силенъ. Онъ торопливо сунулъ руку въ карманъ кафтана, гдѣ у него всегда лежалъ наготовѣ кистень.

Но неизвѣстный быстро схватилъ его за руку и знакомымъ голосомъ произнесъ:

— Не пужайся, Оома Васильичъ.

— Чужой! воскликнулъ Бартеневъ.

— Онъ самый, смѣясь отозвался Чужой. —

Поговоримъ пріятель. Ты вѣдь самъ хотѣлъ навѣстить меня.

— Здравствуй, Степанъ Гаврилычъ, произнесъ Бартеневъ.

Съ этими словами онъ взялъ свою лошадь подъ уздцы и медленно двинулся по берегу рѣки. Чужой шелъ рядомъ.

— Отчего жъ не зайдешь? спросилъ Чужой.

Бартеневъ молчалъ.

— Ну, такъ какъ же, говори? настаивалъ Чужой.

— Оставь меня, упавшимъ голосомъ отвѣтилъ Бартеневъ, — ты сущій дьяволъ, соблазнитель, продолжалъ онъ.

— А тайничокъ знаешь? съ насмѣшливой улыбкой спросилъ Чужой.

Оома порывисто остановился.

— Ты почему знаешь?

— Мало ли что я знаю? уклончиво отвѣтилъ Чужой... — Плохо дѣло твое братъ, продолжалъ онъ, — за одинъ тайничокъ языкъ тебѣ вырвуть.

Бартеневъ снова пошелъ впередъ. Шагахъ въ двадцати, сзади тихо скользили двѣ черныя тѣни.

— Видишь, снова началъ Чужой, — конецъ пришелъ Романовымъ, и тебѣ съ ними. День-другой еще остался тебѣ, коли хочешь по-моему сдѣлать, чему училъ я тебя, а нѣтъ не прогнѣвайся... Семень Никитичъ шутить не любитъ... Да и боярышню твою не оставятъ... Такъ-то, рѣшай скорѣй... Вѣдь я слышалъ, что напѣвалъ ты ей въ саду.

Вся злоба, вся ненависть и зависть, наполнявшія сердце Бартенева, все его отчаянье казалось мгновенно нашли выходъ въ внезапно вспыхнувшемъ бѣшенствѣ противъ этого человѣка, искушавшаго его, какъ дьяволъ, словно издѣвающагося надъ нимъ, захватившаго его въ свои цѣпкія лапы.

— Нѣтъ, ты ничего не докажешь на меня, прохрипѣлъ онъ, — а за боярышню — получай!..

Онъ выпустилъ поводья лошади и со страшной силой схватилъ одной рукой Чужого за горло, другой за грудь, и поднявъ его надъ головой, хотѣлъ съ размаху бросить съ крутого берега.

Но въ то же мгновенье его схватили за руки, онъ выпустилъ Чужого, который тяжело упалъ наземь. Затѣмъ Бартеневъ почувствовалъ короткій, тупой ударъ по головѣ, его сбили съ ногъ и черезъ минуту онъ лежалъ на землѣ, связанный по рукамъ и ногамъ, безпомощный, какъ ребенокъ. Онъ потерялъ сознание. Его обморокъ продолжался недолго.

Когда онъ открылъ глаза, онъ увидѣлъ себя на томъ же мѣстѣ. Низко надъ нимъ склонилось лицо Чужого.

— Что, пріятель, очухался? произнесъ онъ... — Ну и матерой же ты звѣрь. Освободите ему ноги, добавилъ онъ, обращаясь къ двумъ неподвижно стоявшимъ въ сторонѣ темнымъ фигурамъ. Тѣ бросились и разрѣзали веревки на ногахъ Оомы.

— Ну, теперь вставай.

Съ помощью тѣхъ же людей Бартеневъ всталъ на ноги. Руки его были связаны за спиной. Голова болѣла, тѣло ныло.

— Ну, а теперь, пріятель, въ Константиновскій, произнесъ Чужой.

Бартеневъ молчалъ.

«Все кончено, думалъ онъ; — погибла надежда на счастье. Тамъ пытки... Ни боярина не спасъ, ни счастья не добылъ...»

Справа и слѣва соглядатаи, а рядомъ съ нимъ Чужой. Нѣкоторое время шли молча. Наконецъ, Чужой прервалъ молчаніе.

— Такъ-то, Оома Васильичъ, спорить со мной накладно. Отойдите-ка, други, обратился онъ къ соглядатаямъ. Тѣ отошли.

— Ну вотъ, что я хотѣлъ сказать. Слушай, Оома Васильичъ. Ежели я представлю тебя сейчасъ въ Константиновскій, будутъ тебя пытатъ и калѣчить. А боярина своего все равно не спасешь. Да Оринушку твою тоже притянутъ.

Бартеневъ вздрогнулъ, но не сказалъ ни слова.

— Ежели же ты, продолжалъ Чужой, — явился бы по доброй волѣ, да сказалъ слово на своего боярина, какъ намедни говорилъ я тебѣ, то тебѣ была бы и воля, и почетъ, и деньги, и Орина. Христомъ клянусь тебѣ, что не желаю зла тебѣ. Только половину мнѣ дашь, и больше ничего. Молчишь? Не хочешь? Ну такъ тамъ въ Константиновскомъ встрѣтишься со своей невѣстой.

Бартеневъ слушалъ его, и его воображенье

рисовало ему тотъ ужасъ, когда захватятъ его Оринушку и будутъ допрашивать въ Константиновскомъ и плети будутъ стегать по ея бѣлому тѣлу... Онъ сталъ дрожать... Все равно. Судьбы не измѣнить. Бояринъ его погибнетъ. Одно свято помнилъ онъ — заповѣднѣй тайничокъ. «Его не выдамъ, думалъ онъ, — а тамъ, что Богъ судилъ...»

— Освободи руки, я согласенъ, глухимъ голосомъ сказалъ онъ. — Я сдѣлаю, что говорилъ, но только о тайничкѣ ты брешешь. Никакого тайничка нѣтъ. А ежели ты что доказывать будешь, то я сдохну на дыбѣ, а сказать ничего не могу, потому что о тайничкѣ просто сболтнулъ. Есть у боярина темная клѣтъ, я и говорилъ, что туда прячу, что хочу у боярина утаить, а больше, какъ Богъ святъ, ничего не знаю...

Чужой самодовольно улыбнулся. Онъ не слышалъ подробно разговора. Онъ уловилъ слово «тайничокъ» и воспользовался имъ. Рыба клюнула. Теперь и милость царская и деньги. Паутина сплелась крѣпко.

— Ну ладно, не грѣхъ и поживиться у такого боярина, произнесъ онъ; — такъ значитъ половина?

— Половина, отозвался Ома.

По знаку Чужого, люди освободили руки Омы.

— Ну, а теперь къ Семену Никитичу, весело проговорилъ Чужой, — въ Константиновскій... Да ты не бойся, добавилъ онъ, замѣтя испуганное движеніе Бартенева, — мой бояринъ поди тамъ и ночуетъ... заждался бояринъ, идемъ.

Низко опустивъ голову, Ома послѣдовалъ за нимъ.

Х.

Прошло много дней, а Оедору Никитичу все не

удавалось повидать царя. У царя снова разболелись ноги, его обычная болѣзнь. Правда это было, или простое нежеланіе царя принять его, Ѳедоръ Никитичъ не зналъ, но тревога въ его сердцѣ все росла. Тревога царила и среди его дворовыхъ и дома. Аксиныя Ивановна все молилась и плакала, лаская Мишу и Машу, словно заранѣе оплакивая ихъ. Ѳедоръ Никитичъ крѣпился. Но страшный призракъ царевича Дмитрія носился передъ его глазами и днемъ и ночью. Онъ велѣлъ усилить караулы у своихъ воротъ и приказалъ хватать всѣхъ подозрительныхъ людей, стремящихся попасть къ нему во дворецъ. Тутъ сказался его суровый нравъ. Горе было доглядчику, неосторожно пробравшемуся въ дворню. Ему не было пощады. Его часто забивали до смерти.

Быль ранній часъ утра. Царь Борисъ Ѳедоровичъ лежалъ на высокой постели. Его ноги были прикрыты легкими мѣхами скунса и соболя. Во всю ночь царь не сомкнулъ глазъ. Мучительныя боли въ ногахъ и мучительныя мысли равно мѣшали ему спать. Онъ велѣлъ позвать своего медикуса. Черезъ нѣсколько минутъ въ царскую опочивальню входилъ медикусъ.

Это былъ Каспаръ Фидлеръ, кенигсбергскій аптекаръ, маленькій, худой, съ узкимъ лицомъ и хитрыми глазками, слегка косыми.

Онъ до земли поклонился царю.

Царь сурово взглянулъ на него.

Не дождавшись царскаго слова, Фидлеръ торопливо началъ:

— Великій кесарь, я сегодня съ братомъ Фридрихомъ, не спалъ всю ночь; мы готовили чудное снадобье, чтобы облегчить твои страданія. Дозволишь ли принести его?

Царь Борисъ поморщился.

— Не мало ты пробовалъ, что же еще выдумалъ ты? спросилъ онъ.

— Не я, великій кесарь, выдумалъ это, отвѣтилъ Фидлеръ, — я нашелъ это средство въ древнихъ книгахъ страны фараоновъ, но чтобы приготовить его, требовалось много времени.

— Ну что жъ, произнесъ царь, — дай!

Фидлеръ съ поклономъ вышелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вмѣстѣ съ братомъ, еще молодымъ человѣкомъ, очень похожимъ на него, внесъ въ опочивальню большое серебряное ведро съ темной жидкостью, отъ которой поднимался густой, ароматичный паръ.

— Поставь ноги сюда, великій кесарь, сказалъ онъ, — и черезъ четверть часа ты будешь здоровъ.

При помощи вошедшихъ стольниковъ, спавшихъ въ сосѣдней горницѣ, царь съ трудомъ поднялся съ постели и опустилъ распухшія ноги въ ароматическую теплую, почти горячую жидкость; не прошло и минуты, какъ его лицо прояснилось, онъ почувствовалъ облегченіе. Боли прекратились.

— Добро, весело сказалъ онъ, — и впрямь чудодѣйственное средство.

Черезъ четверть часа Каспаръ убралъ ведро и попросилъ царя снова лечь, укутавъ ноги.

Царь почувствовалъ полное облегченіе и какой-то необычайный подъемъ духа. Вся усталость пропала, какъ будто онъ не провелъ безсонной, мучительной ночи.

И когда ему доложили, что пришелъ дворецкій Семень Никитичъ, онъ и совсѣмъ оживился. Не было для него гостя пріятнѣе Семена. Цѣлыми часами слушалъ его донесенія о розыскахъ, пыткахъ и казняхъ.

Царь приказалъ всѣмъ удалиться и остался вдвоемъ съ Семеномъ. Лицо Семена сіяло торжествомъ. И какъ ему было не торжествовать? Наконецъ-то пришелъ послѣдній часъ Романовымъ! Семень рассказалъ царю, что вчера вечеромъ казначей боярина

Александра Никитича донесъ, что бояринъ его, вмѣстѣ съ братомъ Ѳеодоромъ Никитичемъ замыслили извести государя, для чего прячутъ у себя цѣлый мѣшокъ какихъ-то ядовитыхъ кореньевъ.

По мѣрѣ того, какъ говорилъ Семень, на блѣдно-желтомъ лицѣ царя проступалъ румянецъ. Большіе черные глаза загорались жестокой радостью.

— Богъ охраняетъ насъ, произнесъ онъ, осѣняя себя крестнымъ знаменемъ. — Ну что же? продолжалъ царь. — И кто сей вѣрный слуга нашъ?

— Дворовый боярина Александра Никитича, Бартенева Ѳома, отвѣтилъ Семень. — Поклялся, что сей мѣшокъ принесетъ.

— Коли докажетъ, скажи, награжу его, какъ и не снилось ему, произнесъ Борисъ. — Мѣшокъ пусть тогда осмотритъ Каспарка. А мы назначимъ судъ боярскій. Романовы знатные люди. Не хочу брать ихъ на душу свою.

Вѣрилъ ли царь, или притворялся только, что вѣрилъ въ виновность Романовыхъ, кто знаетъ? Его душа была глубока и темна. Онъ былъ золъ и подозрителенъ. Онъ ненавидѣлъ Романовыхъ за ихъ гордость, знатность, богатство, за народную любовь къ нимъ.

Когда царь, тяжело ступая и опираясь на палку, вышелъ къ ожидавшимъ его боярамъ, всѣ замѣтили, что царь веселъ и доволенъ. Въ толпѣ бояръ стоялъ и Ѳеодоръ Никитичъ, рядомъ съ величественнымъ старикомъ, княземъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ Мстиславскимъ, и своимъ свойственникомъ, княземъ Андреемъ Петровичемъ Сицкимъ. Ѳеодоръ Никитичъ былъ блѣденъ, но спокоенъ. Съ непередаваемымъ выраженіемъ злорадства и насмѣшки взглянулъ на него царь. Борисъ Ѳеодоровичъ опустился въ кресло. По бокамъ стояли Семень Ивановичъ и князь Василій

Иванычъ Шуйскій, маленькій, толстый, подслѣповатый, съ хитрой улыбкой. Царь милостиво допускалъ къ рукѣ бояръ, ласково бесѣдуя съ ними, справляясь объ ихъ здоровьи, о семействѣ и дѣлахъ.

— А я къ тебѣ, государь, съ челобитной произнесъ Ѳедоръ Никитичъ.

— Радъ, бояринъ, удружить тебѣ, ласково отвѣтилъ царь. — Только, чего ты просить можешь? Кажись того и у насъ не найдется. Развѣ шапка Мономахова? съ тонкой улыбкой закончилъ онъ, — такъ вѣдь это отъ Бога.

— Нѣтъ, великій государь, началъ Ѳедоръ Никитичъ, — разслѣдовать прикажи за безчестье.

— Что такъ? спросилъ царь и лицо его стало серьезно.

— Что, великій государь, продолжалъ Ѳедоръ Никитичъ и глаза его загорѣлись, — тать я что ли или ворогъ государевъ? И днемъ и ночью шныряють доглядчики... Оно еще полъ бѣды, а вотъ, что стали мои слуги вѣрные пропадать невѣдомо какъ, — это уже бѣда... И слышно, что хватають ихъ, меня не спрашиваючись, въ Константиновскій застѣнокъ. Не знаетъ ли чего Семень Никитичъ?

И гордо выпрямившись, Ѳедоръ Никитичъ устремилъ негодующій взоръ на Семена Никитича.

Царь медленно перевелъ глаза на Семена, и спросилъ:

— Что скажешь Семень Никитичъ?

— Что я могу сказать, великій государь, отозвался Семень Никитичъ. — Дѣло розыска — дѣло тайное. Гдѣ о твоёмъ покоѣ дѣло идетъ, тамъ первѣйшая тайна. Мало ли, кого приходится допросить о чемъ, такъ развѣ можно объ этомъ по Москвѣ кричать? А коли у какого боярина по часту холоповъ на допросъ берутъ, то бояринъ самъ виноватъ. Холопы болтливы,

значить.

Семень смотрѣлъ съ нескрываемой насмѣшкой на Ѳедора Никитича.

— Вотъ видишь, Ѳедоръ Никитичъ, медленно началъ царь, — что жъ подѣлать тутъ? Можетъ и твоихъ захватили. Ужъ не прогнѣвайся.

Семень низко поклонился.

Ѳедоръ Никитичъ тоже поклонился царю съ затаенной обидой и жгучей тревогой въ душѣ. Царь надумалъ его погибель. Для него это было несомнѣнно. Но откуда послѣдуетъ ударъ? Царь Борисъ любилъ неожиданные удары.

Въ тотъ же вечеръ Ѳедоръ Никитичъ созвалъ къ себѣ ближайшихъ родственниковъ: братьевъ Александра, Михаила, Ивана и Василя, сестру Анну съ ея мужемъ, княземъ Черкасскимъ, и князя Шестунова.

Какъ старшій въ родѣ, онъ счелъ своимъ долгомъ предупредить всѣхъ о близкой опасности, чтобы всякъ подумалъ, что предпринять... Всѣмъ онъ совѣтовалъ припрятать на черные дни деньги и передать вѣрнымъ людямъ. Деньги пригодятся... Александръ успѣлъ шепнуть ему, что заповѣдный кладъ въ безопасности, о немъ позаботится вѣрный человекъ. Объ этомъ кладѣ знали только братья; Романовы всегда были близки къ престолу, и кладъ этотъ долженъ былъ принадлежать старшему въ родѣ.

Предложеніе царя Ѳедора о «порученіи» престола Ѳедору Никитичу не осуществилось. А теперь, когда на Романовыхъ надвигалась гроза и самой жизни Ѳедора Никитича грозила опасность, кладъ слѣдовало беречь для его сына Михаила. Быть-можетъ его ожидаетъ лучшее будущее.

Только на разсвѣтѣ кончилось совѣщаніе. Всѣ разѣхались въ тревогѣ, сознавая себя обреченными на погибель...

ХІ.

Когда Александръ Никитичъ вернулся домой, его жена Анисья Петровна еще не спала. За эти дни она тоже измучилась. По лицу мужа она сразу угадала дурныя вѣсти.

Боярыня тихо заплакала.

— Горе мнѣ бѣдной! шептала она, хватаясь за голову. — Не за себя плачу, за тебя родной мой. Истаю я въ кельѣ темной... А ты?

Какъ могъ, успокаиваль ее Александръ Никитичъ. Еще Богъ милостивъ. Можетъ и пройдетъ гнѣвъ царскій. А можетъ и побоится тронуть Романовыхъ. Но на его слова боярыня только недовѣрчиво качала головой.

— Охъ, мое сердце вѣщунъ, повторила она.

Боярыня Анисья была молода, едва три года замужемъ за бояриномъ.

Кое-какъ успокоивъ жену, бояринъ поспѣшилъ къ своему завѣтному тайничку, еще разъ осмотрѣлъ заповѣдный кладъ и, крикнувъ слугу, велѣлъ позвать Ѳому.

Но вернувшійся слуга донесъ, что еще вчера на разсвѣтѣ Ѳома ушелъ и больше не возвращался.

Сердце Александра Никитича упало. И этотъ пропаль. Бояринъ горько каялся, что открылъ ему тайну. Онъ не сомнѣвался, что Ѳома попалъ въ Константиновскій. А ну, какъ не выдержать пытки да откроетъ кладъ?.. Тогда все погибнетъ, даже будущее.

Бояринъ тяжело задумался.

Долго сидѣлъ онъ, опустивъ голову.

— Да будетъ воля Божія, произнесъ онъ, наконецъ.

Еще больше удрученный онъ направился въ опочивальню, гдѣ Анисья Петровна горячо молилась.

Уже разгоралась заря. Выходило солнце и въ первыхъ лучахъ его ярко горѣли московскіе купола. Изъ сада вѣяло свѣжимъ дыханьемъ утренней прохлады.

— Вздремну часокъ и поѣду во дворець, подумаль Александръ Никитичъ.

Но отдохнуть боярину не пришлось. Онъ услышалъ непривычный шумъ на дворѣ. Громкіе разговоры, стукъ въ ворота, ржанье лошадей...

Бояринъ торопливо вышелъ изъ горницы. Навстрѣчу ему испуганно бѣжалъ слуга.

— Бояринъ, закричалъ онъ, — бѣда! Стрѣлецкій отрядъ пришелъ. По приказу-де государя...

Александръ Никитичъ поблѣднѣлъ. Онъ понялъ, что это значить.

— Призови сюда старшого, кто отрядъ привелъ, коротко произнесъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ горницу входилъ сотникъ Василій Петровичъ Афанасьевъ.

Бояринъ зналъ его черезъ Оуму, нерѣдко бралъ его съ собой въ нарядъ — сопровождать царя Бориса.

— А это ты, Василій Петровичъ, произнесъ бояринъ.

— Я, бояринъ, отвѣтилъ сотникъ, низко кланяясь.

Хотя сотникъ и отнесся дурно къ Бартеневу именно потому, что зналъ о пошатнувшемся положеніи Романовыхъ, но все же, очутившись сейчасъ лицомъ къ лицу съ бояриномъ, онъ почувствовалъ привычные робость и почтеніе.

— Что ты знаешь? спросилъ Александръ Никитичъ.

— Видитъ Богъ — ничего, чистосердечно отвѣтилъ сотникъ, — часъ тому назадъ отъ Семена Никитича по приказу царя пришелъ стольникъ Бахметевъ и указалъ изъ каждой сотни взять по два

десятка...

Сотникъ замолчалъ, невольно испугавшись угрожающаго выраженья лица боярина.

— Прости, бояринъ, растерянно произнесъ онъ, — самъ вѣдаешь, не моя воля...

Александръ Никитичъ овладѣлъ собою.

— Ты правъ, Василій Петровичъ; такъ значитъ и къ братьямъ?

— И къ Сицкимъ, и къ Шестуновымъ, и къ Черкасскимъ, и къ Карповымъ, опустивъ голову, тихо отвѣтилъ сотникъ.

«Конецъ!» пронеслось въ умѣ Александра Никитича.

— Ладно, громко сказалъ онъ, — царь воленъ въ своихъ дѣлахъ. Я прикажу позаботиться о тебѣ и твоихъ людяхъ...

И, кивнувъ головой, онъ — твердой поступью прошелъ во внутренніе покои.

Въ это свѣжее, благоухающее утро, Миша и Маша, въ сопровожденіи нянекъ и мамушекъ уже играли въ саду. Огромный тѣнистый садъ Ѳедора Никитича былъ словно лѣсъ для маленькихъ дѣтей. Онѣ прятались за толстыми стволами столѣтнихъ кленовъ, дубовъ, весело перекликивались, бѣгали въ запуски и чистый звонкій дѣтскій смѣхъ и смѣхъ женщинъ весело звучалъ въ прозрачномъ воздухѣ... У калитки, ведущей со двора въ садъ, стояли всегда, когда въ саду играли дѣти, по приказу боярина, двое дворовыхъ.

— Смотри, смотри, вдругъ закричалъ Миша, — какіе красивые стрѣльцы!.. Маша, Маша, няня... въ дѣтскомъ увлеченіи кричалъ онъ, хлопая ручонками.

Дѣйствительно, черезъ частоколъ былъ виденъ проѣзжающій стрѣлецкій отрядъ.

Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на нихъ. Но это любопытство сразу смѣнилось испугомъ, когда отрядъ

повернулъ къ боярскимъ воротамъ.

Одинъ Миша радостно закричалъ:

— Къ намъ! Они къ намъ! и прежде, чѣмъ кто-нибудь успѣлъ опомниться, уже стрѣлой вылетѣлъ въ калитку во дворъ; съ криками бросились за нимъ мамки и няньки.

Въ это время ворота раскрылись и отрядъ стрѣльцовъ вѣхалъ во дворъ.

Молодой сотникъ что-то говорилъ перепуганному дворовому, который, выслушавъ его, стремглавъ бросился въ домъ.

Испуганная Мишина мамка Домна схватила въ охапку Мишу, другая Машу и, несмотря на крикъ и барахтанье дѣтей, поволокли ихъ на верхъ.

Стрѣльцовъ окружили испуганные холопы и самъ сотникъ и рядовые стрѣльцы были замѣтно смущены. Наступило тяжелое, напряженное молчаніе. Холопы знали неукротимый нравъ своего боярина и въ тревогѣ ожидали, какъ онъ приметъ такое явное безчестіе.

Ждать пришлось недолго.

На высококомъ крыльцѣ съ непокрытой головой въ распахнутомъ кафтанѣ, накинутомъ поверхъ зеленой шелковой рубахи, появился Ѳедоръ Никитичъ. Даже привычные холопы оробѣли, увидѣвъ его страшное, искаженное лицо. Сотникъ почтительно снялъ шапку.

— Ко мнѣ во дворъ караулъ? сверкая глазами громко заговорилъ бояринъ...

— Великій государь... робко началъ сотникъ.

— Молчи, холопъ, не своимъ голосомъ закричалъ бояринъ, — ты лжешь. Кто послалъ тебя?

Сотникъ поблѣднѣлъ, но твердо отвѣтилъ:

— Семень Никитичъ...

— Довольно! закричалъ бояринъ, — я ѣду къ царю, я покажу, что значитъ безчестить боярина! Коня!

Кто-то изъ слугъ догадался принести боярину шапку; стремянной торопливо осѣдлалъ коня.

Федоръ Никитичъ вскочилъ въ сѣдло и взялъ изъ рукъ стремянного шелковую плеть.

— Бояринъ, крикнулъ сотникъ, — я не могу выпустить тебя...

— Ты?! Меня?! грозно произнесъ бояринъ.

Сотникъ стоялъ у воротъ. Если бы въ рукахъ Федора Никитича была сабля, то сотнику недолго оставалось бы любоваться солнцемъ.

— Дорогу! крикнулъ бояринъ, поднимая плеть, — пусть самъ царь скажетъ мнѣ, что бояринъ Федоръ Никитичъ, кому онъ самъ цѣловалъ на дружбѣ крестъ, теперъ колодникъ!

Холопы съ угрожающимъ видомъ двинулись къ воротамъ. Сотникъ посторонился.

— Иди же, бояринъ, не мнѣ проливать кровь твою, съ дрожью въ голосѣ проговорилъ онъ.

Но бояринъ уже не слушалъ его. Онъ вынесся въ ворота и помчался по улицѣ бѣшенымъ голопомъ.

Съ удивленіемъ глядѣли московскіе жители на скачущаго въ такой ранній часъ по улицамъ знаменитаго боярина Федора Никитича...

Черезъ часъ, тихимъ шагомъ, на вспѣненномъ конѣ вернулся домой бояринъ. Царь отказался видѣть его, но черезъ князя Василя Ивановича Шуйскаго передалъ ему свой государевъ приказъ сидѣть дома и ждать царскаго суда.

Лукавый и хитрый Василий Ивановичъ посовѣтовалъ Федору Никитичу не раздражать царя напраснымъ сопротивленіемъ его волѣ. Быть-можетъ его оболгали, царь милостивъ и справедливъ. Все еще можетъ пройти мимо. На одно мгновеніе въ душѣ Федора Никитича мелькнула отчаянная мысль — поѣхать въ гостинный дворъ и кликнуть кличъ: не выдавайте

нашего боярина! На этотъ кличъ толпы торговаго люда, посадскихъ бросились бы къ нему, присоединилась бы часть стрѣльцовъ. Онъ поднялъ бы всѣхъ своихъ холоповъ, холоповъ всѣхъ родственниковъ и свойственныхъ и пошатнулъ бы престолъ Бориса!..

Но эта мысль также быстро погасла, какъ и вспыхнула. Лить кровь братьевъ! Поднять руку на того, кому онъ цѣловалъ крестъ!.. Нѣтъ, это было бы худшее изъ безчестій... Онъ не навлечетъ на себя позора...

Онъ вѣхалъ во дворъ среди глубокаго молчанія, спрыгнулъ съ коня и тяжелой поступью поднялся на крыльцо...

Потянулись тяжелые, мрачные дни. Особенно убивала Ѳедора Никитича мысль о судьбѣ дѣтей. За дочь онъ безпокоился меньше. Но судьба сына ужасала его... Безъ внутренней дрожи онъ не могъ глядѣть въ голубые глаза Миши, на его кудрявую головку, слышать дѣтскій беззаботный смѣхъ, его невинные распросы. Какъ испуганная насѣдка, Аксинья Ивановна боялась хоть на мигъ разлучиться съ дѣтьми. Неожиданный шумъ, громкій голосъ на дворѣ, скрипъ воротъ, все приводило ее въ ужасъ. Ѳедоръ Никитичъ не зналъ даже, въ чемъ его обвиняють? Да и не все ли было ему равно! Царь хотѣлъ его погибели, и будь онъ чище снѣга, царь найдетъ на немъ вину.

ХII.

Невообразимый гомонъ стоялъ на патриаршемъ дворѣ, что былъ близъ Успенскаго собора. Напрасно нарядъ стрѣльцовъ отгѣснялъ толпу; всѣ рвались къ тому мѣсту, гдѣ стояли бояре. Но эта крикливая и буйная толпа не была народомъ московскимъ; это были полупьяные холопы, принадлежавшіе исключительно врагамъ Романовыхъ, во главѣ съ Семеномъ Никитичемъ

Годуновымъ. Съ важнымъ видомъ стояли бояре на мѣстѣ въ серединѣ двора, оцѣпленномъ стрѣльцами и приставами. Въ образовавшемся кругу былъ окольникій Салтыковъ. Около него стоялъ Семень Никитичъ съ Чужимъ, Каспаръ Фидлеръ съ братомъ Фридрихомъ, и блѣдный, съ измученнымъ лицомъ и опущенной головой Бартенева.

Въ рукахъ Салтыкова былъ небольшой мѣшокъ. Онъ поднялъ руку, требуя молчанія.

— Тсс! тсс! тише! раздалось въ толпѣ. Мало-помалу толпа стихла. Тогда Салтыковъ громко произнесъ:

— По указу великаго государя произвелъ я сыскъ у боярина Александра Никитича, и вотъ, что нашель я въ его казнѣ.

Съ этими словами онъ поднялъ мѣшокъ и высыпалъ его содержимое на землю. Тамъ оказались листья, травы, корни и какія-то черныя зерна.

Тутъ выступилъ Семень Никитичъ. Недавно онъ былъ назначенъ главою Врачебнаго приказа и громкимъ, пронзительнымъ голосомъ заговорилъ:

— Великій государь долго щадилъ бояръ Романовыхъ, памятуя, ихъ службу царю и Руси... И нынѣ, узнавъ объ ихъ злоумышленіяхъ, не пожелалъ самъ судить ихъ, зане слишкомъ милосердъ. Медикусъ великаго государя, Каспаръ Фидлеръ, разсмотрѣлъ сіи волшебные коренья и нашель въ нихъ смертоносный ядъ. И вамъ, боярамъ, великій государь приказалъ судить его злодѣевъ...

Среди стоявшихъ здѣсь бояръ, нарочно выбранныхъ царемъ, не было ни одного доброжелателя Романовыхъ. Заступины, Обухъ, Харузинъ, тайный врагъ Романовыхъ, Василій Ивановичъ Шуйскій, и многіе другіе, стремившіеся унижить изъ зависти, корысти и угодничества царю родъ Романовыхъ, были собраны здѣсь. Среди нихъ только одинъ старый князь Ѳедоръ

Иванычъ Мстиславскій былъ прямъ и нелицепріятенъ. Но въ такомъ дѣлѣ, какъ осужденіе Романовыхъ, царь не могъ миновать его. Онъ вѣрно разсчиталъ, что голосъ стараго князя будетъ заглушенъ криками его приверженцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ присутствіе въ боярскомъ судѣ Ѳеодора Иваныча придавало суду авторитетъ въ глазахъ Москвы.

Слова Семена Никитича были покрыты буйными возгласами холоповъ:

— Долой измѣнниковъ! Смерть! Смерть!

Стрѣльцы оттѣснили холоповъ. Отъ воротъ, подъ сильнымъ конвоемъ приближались братья Романовы. Впереди шли Ѳеодоръ Никитичъ и Александръ, за ними Михайла, Иванъ и Василій.

Проклятья, крики, угрозы встрѣтили ихъ появленіе. Но они были спокойны. Когда они вошли въ оцѣпленный кругъ, къ нимъ обратился съ вопросомъ Семень Никитичъ:

— Что-де они злоумышляли?

Но неистовые крики:

— Измѣнники! Бей ихъ! не дали имъ возможности отвѣчать.

Съ угрожающими движеньями лѣзла на нихъ чернь. Забывъ свой важный санъ, бросились къ нимъ съ крикомъ нѣкоторые бояре... И если бы не Мстиславскій, загородившій ихъ своею грудью, имъ пришлось бы плохо.

Они не успѣли и не могли сказать ни слова.

— Очистите дворъ! властно крикнулъ своимъ могучимъ голосомъ Мстиславскій.

По его приказу стрѣльцы начали тѣснить толпу къ воротамъ, подстегивая непослушныхъ плетьюми. Остались Романовы, ихъ судьи и обвинители.

И только тутъ, впервые, Ѳеодоръ Никитичъ узналъ, въ чемъ его обвиняютъ.

Съ негодованьемъ и презрѣньемъ слушалъ онъ

обвиненъе Семена Никитича, а когда рѣчь зашла объ Александрѣ Никитичѣ, что у него нашли зелье, предназначенное для царя, онъ крикнулъ:

— Братъ, говори!

Александръ Никитичъ выступилъ впередъ:

— Кто мой доказчикъ? спросилъ онъ.

На лицѣ Семена Никитича появилась торжествующая улыбка.

— Доказчиковъ много, сказалъ онъ, — а первый доказчикъ, кто и зелье указалъ, тобой припасенное, твой ближній, казначей твой, Оома Бартеновъ.

Всего ожидалъ бояринъ, но только не предательства со стороны человѣка, возвышеннаго, обласканнаго имъ, кому онъ даже довѣрилъ завѣтную тайну.

Ударъ былъ нанесенъ вѣрно. Онъ поблѣднѣлъ и едва устоялъ на ногахъ!

— Такъ пусть же, въ отчаяннѣи закричалъ бояринъ, — повторить онъ мнѣ здѣсь передъ всѣми свои живыя слова.

Семень Никитичъ обернулся. Сзади всѣхъ, словно желая скрыться, стоялъ Оома.

— Эй, Оома, повтори боярину, что онъ запамятовалъ! крикнулъ Семень.

Дюжя руки вытолкнули Оому впередъ.

— Такъ это и впрямь ты, упавшимъ голосомъ произнесъ Александръ Никитичъ, — такъ это ты? повторилъ онъ, почти съ ужасомъ глядя на Бартенева.

Но Оомой овладѣло отчаянъе. Все равно ничѣмъ не поправишь дѣла.

Въ полубезумьѣ онъ поднялъ мутные глаза на Александра Никитича и произнесъ тихо, но внятно:

— Да, я! Я крестъ цѣловалъ великому государю; ты злоумышлялъ на него...

Оома опустилъ голову, не въ силахъ выдержать

презрительнаго взгляда боярина...

— Довольно, сказалъ Александръ Никитичъ, — мнѣ больше нечего слушать. Если царь даетъ больше вѣры словамъ холопа, чѣмъ словамъ боярина, я и царю больше ничего не скажу...

Но мысль о тайничкѣ обожгла его. Онъ вдругъ встрепенулся.

— Постой, остановилъ онъ уходящаго Бартенева, — ты больше ничего не говорилъ?

— Ничего, отвѣчалъ Бартеневъ, поднимая загорѣвшіеся глаза, очевидно понявъ, что хотѣлъ сказать бояринъ.

Нѣсколько мгновений они пристально смотрѣли другъ на друга.

— Такъ ничего? съ особеннымъ удареніемъ вновь спросилъ бояринъ.

— Во имя Бога живого, ничего! отвѣтилъ Ома, смотря ему въ глаза.

— Иди, я прощаю тебя, тихо сказалъ Александръ Никитичъ.

О, лучше бы онъ ударилъ его, чѣмъ эти слова прощенія и этотъ почти ласковый взглядъ. Долго, долго онъ будетъ сниться Омѣ Васильичу въ безсонныя ночи, и въ минуты радости и въ минуты горя...

Никто изъ братьевъ не сказалъ ничего. Слово по уговору они отвѣчали на всѣ вопросы презрительнымъ молчаньемъ.

— Ну, ладно, произнесъ Семень Никитичъ, — веди ихъ въ Константиновскій...

— Семень Никитичъ, опомнись, горячо проговорилъ Мстиславскій.

Семень угрюмо взглянулъ на него и проговорилъ:

— Ну что жъ, иди къ царю, донеси на меня.

«Въ Константиновскій! На пытку, быть-можетъ

смерть... Миша, Маша! съ невыразимой болью въ душѣ думаль Ѳедоръ Никитичъ, — жена, Маша...» Онъ отдалъ бы десять лѣтъ своей жизни за одну минуту свиданія съ семьей!... Александръ Никитичъ думаль о своей молодой женѣ. Ужели теперь вѣчная разлука? Ему — смерть, ей — черная келья?.. Но ни однимъ словомъ, ни взглядомъ братья не показали овладѣвшаго ими отчаянья. Въ Константиновскій застѣнокъ! Но неужели царь Борисъ осмѣлится предать ихъ пыткамъ?...

Царь Борисъ осмѣлился...

ХІІІ.

Отъ толстыхъ каменныхъ стѣнъ, отъ каменнаго пола вѣяло холодомъ и сыростью. Маленькій ночникъ слабо озарялъ застѣночную камеру.

На полу брошены тюфяки, набитые свѣжей соломой, и на нихъ, едва прикрытые кое-какой одежкой, плотно прижавшись другъ къ другу, лежатъ дѣти.

Это Миша и Маша Романовы. Аксинья Ивановна сидѣла возлѣ нихъ на другомъ сѣнникѣ и съ отчаяніемъ смотрѣла на ихъ блѣдныя личики.

Послѣ допроса Ѳедора Никитича на патриаршемъ дворѣ, когда она ждала и не дождалась мужа, въ ночь пришли и за ней... Плакала она, кричали дѣти, причитала матушка... Всѣхъ взяли... Гдѣ мать? Гдѣ мужъ? Но все же за одно благодарила Бога боярыня, что не разлучили ее хоть съ дѣтьми...

И вотъ они здѣсь. Сыро, холодно, Константиновскій застѣнокъ — не боярскія хоромы.

— Мамушка, мамушка, лепечеть Миша, — мнѣ холодно.

Миша поднялъ кудрявую головку.

— Мамушка, отчего холодно? Гдѣ же мы?

Позови Домну? говорилъ онъ.

Холодно! Но чѣмъ согрѣть дѣтей? Аксиныя Ивановна давно отдала имъ свою тѣлогрѣйку. Теперь сняла и сарафанъ, и осталась сама полуодетая, дрожа отъ холода. Она легла рядомъ съ дѣтьми, чтобы согрѣть ихъ своимъ тѣломъ и согрѣться самой...

Она забылась сномъ.

Утро или ночь продолжается?

Безконечная холодная ночь. Въ каморѣ нѣтъ оконъ. Только высоко въ темной стѣнѣ узкое отверстіе. Какъ будто тамъ свѣтится.

Дѣти проснулись.

— Мамушка, пойдѣмъ въ садъ гулять...

— погоди, Мишенька, глотая слезы говоритъ боярыня, — вотъ придетъ тятя...

Ея голосъ прерывается...

Маша старше. Она уже соображаетъ что-то. Пугливыми черными глазами смотритъ она по сторонамъ и грустно молчитъ.

Заскрипѣла дверь. Угрюмаго вида человѣкъ принесъ и поставилъ на полъ котелокъ со сбитнемъ, три кружки оловянныхъ и связку кренделей. Дѣти обрадовались и съ жадностью выпили теплаго сбитню.

Тихо было въ каморѣ, какъ будто въ склепѣ. Прошло нѣсколько часовъ. Миша уже пересталъ проситься гулять, Маша, сидя въ углу, тихо плакала, стараясь скрыть отъ матери свои слезы. Потомъ опять пришелъ человѣкъ — принесъ хлѣба, рыбы и воды...

Кажется, кончился день...

Дѣти захотѣли спать, притихшіе, напуганные...

Ночью словно отдаленные, заглушенные стоны.

Дѣти спали тревожно, просыпались, плакали, молились...

Сколько прошло дней?

Сердце Аксины Ивановны сжималось отъ

отчаянія, когда она трогала худенькія ручки дѣтей. Дѣти уже не смѣялись. Только плакали и съ тоской спрашивали:

— Мамушка, а куда же ушло солнышко? Отчего не видать его? А гдѣ тятя? Пусть велитъ повести насъ въ садъ... Онъ хотѣлъ мнѣ настоящаго конька подарить...

— Все будетъ вамъ, все будетъ... едва сдерживая рыданія говорила Аксинья Ивановна, — потерпите, миленькіе...

И дѣти терпѣли и не плакали, только таяли, худѣли, слабѣли и больше лежали, прижимаясь другъ къ другу, кутаясь въ легкія одежонки.

Аксиньѣ Ивановнѣ не позволили даже захватить съ собой бѣлья и одежды...

XIV.

Сотникъ Василій Петровичъ Афанасьевъ не повѣрилъ своимъ ушамъ, когда ему сказали, что во дворъ вѣхалъ окольнічій, ближній царскій, самъ Семень Никитичъ Годуновъ. Онъ сперва перепугался, но сидѣвшій въ это время у него въ гостяхъ, уже на правахъ жениха дочери, Иванъ Терентьичъ Воинко поспѣшилъ его успокоить.

Самодовольно поглаживая свою бородку, онъ съ важнымъ видомъ сказалъ ему:

— Чего всполошился, Василій Петровичъ, дѣло простое. Я государю извѣстенъ. Ну, и закинулъ за тебя словечко. Почитай, сегодня и милость царскую тебѣ объявить, быть-де тебѣ головой приказа.

Честолюбивыя надежды вспыхнули въ сердцѣ сотника, и успокоенный и радостный онъ бросился, встрѣчать почетнаго гостя.

Войдя въ горницу въ сопровожденіи низко

кланяющагося хозяина, Семень Никитичъ истово перекрестился на красный уголь и едва кивнулъ на подобострастный поклонъ Воинки.

— Чѣмъ угощать прикажешь, бояринъ? спросилъ сотникъ.

— Угощеніе потомъ, отвѣтилъ Семень Никитичъ, — допрежь дѣло государево.

Сотникъ почтительно наклонилъ голову. Воинко насторожилъ уши.

— Прослышалъ великій государь, важно началъ Семень Никитичъ, — что есть у тебя дочь разумница да красавица, а у него есть слуги вѣрные...

При этихъ словахъ Воинко пріосанился и съ гордостью взглянулъ на сотника.

— Такъ вотъ, продолжалъ Семень Никитичъ, — я отъ батюшки царя къ тебѣ сватомъ...

Лицо Воинки расплылось въ торжественную улыбку. Не въ силахъ сдержать своего восторга, онъ подбоченясь проговорилъ:

— Милостивъ царь, да дѣло ужъ рѣшено. Земно кланяюсь на ласкѣ царской. За мною сотникова дочь! и отдалъ Семену Никитичу земной поклонъ, касаясь рукой пола.

Семень Никитичъ кинулъ на него пренебрежительный взглядъ и рѣзко сказалъ:

— А ты бы помолчалъ, не о тебѣ рѣчь, да царь-государь о тебѣ и не мыслить.

Воинко поблѣднѣлъ и застылъ съ широко открытымъ ртомъ.

Сотникъ тоже былъ въ смущеніи.

— Такъ вотъ, Василій Петровичъ, продолжалъ Семень, — царь и сватаетъ тебѣ своего вѣрнаго слугу, что въ корень истребилъ царскихъ лиходѣевъ, — Ѳому Васильича Бартенева...

Воинко при этихъ словахъ весь затрясся даже, а

сотникъ былъ такъ пораженъ, что нѣсколько минутъ языкъ не повиновался ему.

— Но какъ же, наконецъ растерянно проговорилъ онъ, — я ужъ просваталъ дочь за Ивана Терентьича?..

— А сговоръ былъ? спросилъ Семень Никитичъ.

— Нѣтъ отвѣтилъ, сотникъ, — сговору не было.

— Ну, такъ и говорить нечего, произнесъ Семень.

— Она моя невѣста, закричалъ Воинко, — я люблю ей.

— А это мы посмотримъ, отвѣтилъ Семень. — Никого царь-государь неволить не станетъ, позови-ка свою боярышню, добавилъ онъ, обращаясь къ сотнику.

Сотникъ выбѣжалъ изъ горницы.

Семень Никитичъ съ нескрываемымъ злорадствомъ смотрѣлъ на Воинко. Ничто не доставляло ему столько удовольствія, какъ смотрѣть на страданія другихъ. А Воинко, дѣйствительно, страдалъ. Онъ любилъ Ирину и кромѣ того былъ сейчасъ униженъ и оскорбленъ.

Черезъ нѣсколько минутъ вся зардѣвшаяся появилась Ирина и отдала глубокой поклонъ боярину.

— Ишь, красавица какая, промолвилъ Семень Никитичъ, — а я сватать тебя пришелъ, по указу государеву. Царь прочитъ тебѣ въ женихи Оому Васильича Бартенева, а вотъ Ивашка, онъ презрительнымъ жестомъ указалъ на Воинко, — говорить, что любовь тебѣ. Выбирай, красавица. Царь никого не неволить.

— Онъ любовь? воскликнула Ирина, забывая свою дѣвичью застѣнчивость, — да отъ него въ пору въ прорубь...

— Такъ значить Оома Васильичъ? произнесъ Семень Никитичъ.

— Батюшка! воскликнула Ирина, и съ тихими слезами радости упала на грудь отца.

— Ну, видишь, молодецъ, тебѣ больше здѣсь нечего дѣлать, обратился Семень къ Воинку. — Свое получилъ, пора и честь знать...

Блѣдный съ дрожащими губами Воинко, не поклонясь, вышелъ.

Сотникъ былъ пораженъ. Еще на дняхъ онъ почти выгналъ отъ себя Бартенева, а вотъ...

— Ну поди, красавица, насколько могъ ласково проговорилъ Семень Никитичъ, — а мы еще съ батькой потолкуемъ...

— Бояринъ, растроганнымъ голосомъ произнесла Ирина, — не знаю даже какъ звать-отъ тебя...

— Семеномъ, произнесъ Годуновъ.

— Ну вотъ вѣчно буду молиться за раба Божія Семена...

Она замолчала смущенная.

— Ну ладно, ладно, сказалъ отецъ, — иди себѣ.

Ирина ушла.

По ея уходѣ, за чашей вина, Семень объяснилъ сотнику, что Тома Васильичъ изобличилъ злодѣевъ, и царь доволенъ. Далъ ему волю, подарилъ ему домъ его боярина, Александра Никитича, со всѣми животами, приказалъ служить въ боярскихъ дѣтяхъ и велѣлъ золотомъ отсыпать ему три тысячи червонныхъ. А какъ узналъ, что Тома приглядѣлъ сотникову дочь, заслалъ его, боярина Семена, сватомъ и въ случаѣ, буде сватовство пройдетъ, сдѣлать сотника главой приказа.

Сотникъ чувствовалъ себя, какъ во снѣ. Исполнилась его завѣтная мечта — онъ голова приказа, дочь его чуть ли не за бояриномъ по богатству и близости къ царю. Самъ Семень Никитичъ у него гостемъ, а такимъ гостемъ гордился бы и самъ глава

всего стрѣлецкаго приказа...

XV.

Лицемѣрно отстранившись отъ суда надъ Романовыми и предавъ ихъ боярскому суду, составленному исключительно изъ клеветовъ царя, Борисъ съ злорадствомъ видѣлъ униженіе ненавистнаго ему рода. Долго колебался онъ, долго готовилъ послѣдній ударъ и, наконецъ, нанесъ его. Родъ Романовыхъ былъ разгромленъ. Все, что только стояло съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, даже тѣ, кто только имѣли къ нимъ какое-либо прикасаніе, всѣ подверглись опалѣ. Съ холопами даже не считались. Они умирали въ мукахъ. Но, какъ отмѣчаютъ лѣтописцы, никто не оговорилъ бояръ.

Боярскій судъ вынесъ короткій и ясный приговоръ: всѣхъ казнить злою смертью.

Борисъ прослезился и съ лицемѣрнымъ видомъ произнесъ:

— Я клялся не проливать крови. Пусть гнѣвъ Господень падетъ на нихъ. Пусть каются въ грѣхахъ своихъ.

И онъ замѣнилъ смертную казнь заточеньемъ и ссылкой, предварительно совершивъ монашескій постригъ надъ Ѳеодоромъ Никитичемъ, чтобы отнять у него всякую возможность сѣсть на престолъ, и надъ его женой...

На далекомъ сѣверѣ на рѣкѣ Сіѣ, въ Антоніевой обители, долженъ былъ кончить дни свои Ѳеодоръ Никитичъ. Тамъ его и должны были постричь.

«Кончена жизнь», думалъ онъ, слушая царскій приговоръ. Черная хламида казалась ему тяжелее цѣпей.

Не поскачетъ уже больше Ѳеодоръ Никитичъ на вспѣнномъ конѣ впереди полковъ русскихъ на грозную

сѣчу съ Литвой или татарами! Не надѣтъ ему никогда на себя вѣнецъ и бармы Мономаха! Не увидѣтъ жены и дѣтей! Тяжелая дверь монастырской кельи, какъ желѣзной стѣной, отдѣлитъ его отъ всего живого міра!..

Тихо и тайно совершили обрядъ пострига надъ женой его, Аксиньей Ивановной, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. И вышла изъ церкви уже не жена боярина Ѳедора Никитича, а инокиня Марѳа.

И послѣдній ударъ, быть-можетъ тяжелѣйшій, нанесъ царь Борисъ несчастной матери. Онъ разлучилъ ее съ дѣтьми.

Инокиню Марѳу онъ повелѣлъ отправить въ Заонежскій погостъ. А дѣтей ея, Мишу и Машу, на Бѣлоозеро, вмѣстѣ съ Черкасскими, мужемъ и женой, съ теткой, съ другой теткой Настасьей Никитичной и женой Александра Никитича.

Царь Борисъ не могъ отказать себѣ въ злобномъ удовольствіи разлучить Александра Никитича съ любимой женой. Его онъ отправилъ въ Усолъе-Луду къ Бѣлому морю. Бабушку Шестову — въ Чебоксары, въ монастырь. Михаила — въ Пермь, въ Ныробскую волость, Ивана — въ Пелымъ, Василия — въ Яренскъ. Сына Черкассаго — въ Малмыжъ, на Вятку... Сицкихъ, Шестуновыхъ, Рѣпниныхъ и Карповыхъ въ дальніе города.

Царь вздохнулъ свободно. Не только онъ уничтожилъ Романовыхъ, но и всѣхъ ихъ родственниковъ и свойственниковъ и приверженцевъ, до послѣдняго холопа...

Уже извѣстно, какъ былъ награжденъ Бартеневъ. Семень Никитичъ получилъ санъ боярина. Медикусъ, Каспаръ Фидлеръ, сто червонныхъ...

Но царь былъ милосердъ. Онъ позволилъ Ѳедору Никитичу въ послѣдній разъ, быть-можетъ, передъ вѣчной разлукой обнять дѣтей и жену, въ его бывшемъ

домѣ.

Тяжела и странна была встрѣча мужа съ женой.

— Это не тятя, это не тятя! съ плачемъ кричалъ Миша, увидѣвъ измученнаго, въ жалкой одеждѣ, высокаго полусѣдого человѣка.

Федоръ Никитичъ сильно измѣнился. Онъ похудѣлъ, глаза впали, подернулись сѣдиной волосы на головѣ и бородѣ.

Съ душевной болью увидѣлъ онъ монашеское одѣяніе жены своей. Онъ поднялъ на руки плачущаго сына и судорожно прижалъ его къ груди.

— Расти! говорилъ онъ. — Богъ смилуется надъ нами. Вырасти крѣпкимъ и сильнымъ, не обижай никого зря, блюди себя... и помни свою нищету и позоръ, въ какой бы высокой долѣ не былъ ты... Богъ за все воздастъ тебѣ... Не забывай отца и мать, и ежели Богъ судиль...

Голосъ Федора Никитича прервался. Онъ съ трудомъ сдержалъ готовое вырваться рыданіе.

Миша не понималъ его словъ. Но горько плакалъ, утирая кулачкомъ глаза.

Крѣпко обнялъ Федоръ Никитичъ жену и дочь, благословилъ ихъ.

— Молитесь, молитесь! повторилъ онъ.

Аксинья Ивановна, теперь Марфа, крѣпко прильнула къ нему и застыла въ послѣднемъ объятіи. Она безсвязно лепетала ему слова любви и отчаянья. Она лишалась всего. Мужа, дѣтей... Она говорила о смерти и ужасѣ одинокой жизни въ постоянной тревогѣ за дорогихъ и далекихъ. Приставъ нетерпѣливо стучалъ въ дверь.

Надо было разставаться.

Почти силой вырвался Федоръ Никитичъ изъ объятій обезумѣвшей жены и, еще разъ поцѣловавъ дѣтей, выбѣжалъ изъ горницы.

Вслѣдъ за нимъ послышался пронзительный крикъ. Это закричала Марѳа...

Настало время разлучить и ее съ дѣтьми. Какъ тигрица, бросилась она на вошедшихъ приставовъ. Въ изступленіи она кричала:

— Убейте меня! Проклятье царю Борису! Я не отдамъ ихъ вамъ!

Она отбивалась, кусалась, плакала... Плакали и кричали дѣти, цѣпляясь за нее. Всегда кроткій и робкій Миша маленькими кулачками билъ въ широкую спину дюжого пристава, топалъ ножками и кричалъ:

— Уйди, уйди!.. Маша громко плакала.

Но сопротивленіе Марѳы не могло быть продолжительно. Она ослабѣла, поблѣднѣла и въ безсиліи опустилась на руки державшихъ ее. Испуганныя дѣти съ плачемъ кинулись къ матери...

XVI.

Передъ глазами широкая гладь Бѣлаго озера, сзади безконечные, глухіе лѣса. Вѣковую тишину нарушаютъ лишь шумъ волнъ да шопотъ лѣсовъ. Рѣдкія селенья рыбаковъ разбросаны по берегамъ озера. У самой опушки лѣса небольшой бревенчатый домъ, жилище изгнанниковъ. Тамъ поселили Бориса Иваныча Черкаскаго съ женой Анной Никитичной, Настасью Никитичну, жену Александра Никитича, Анисью Петровну, и дѣтей Мишу и Машу... Съ ними пріѣхала и мамка Мишина, Домна.

Острое горе разлуки миновало. Дѣти скоро забываютъ горе. Уже нерѣдко слышались ихъ веселые голоса, смѣхъ, ауканье, когда они блѣгали по густому лѣсу, играя, собирая ягоды и грибы, или смотрѣли на берегу, какъ рыбаки закидывали сѣти...

Но не проходила тоска у жены Александра

Никитича, Анисьи. Часами сидѣла она на берегу озера, устремивъ тоскующіе глаза въ даль, съ вѣчной мукой и мыслью о мужѣ... Настасья Никитична всю себя отдала дѣтямъ. Ей было все равно, гдѣ жить, только бы быть съ дѣтьми, съ которыми не разлучалась она съ самаго перваго дня рожденія.

Примирились съ судьбой и Черкасскіе, хотя порою и сильно тосковали о своемъ Ванюшѣ, сосланномъ въ Малмыжъ на Вятку.

Изъ сосѣдняго глухого монастыря изгнанниковъ навѣщали иноки. Рыбаки приносили имъ рыбу, ихъ жены — домотканное изъ грубой холстины бѣлье. Среди дикой природы, на волѣ, дѣти замѣтно выросли и окрѣпли. Шестилѣтнему Мишѣ, съ его загорѣлымъ лицомъ и серьезнымъ выраженьемъ глазъ можно было дать на видъ лѣтъ девять. Маша вытянулась, какъ прибрежный тростникъ и дѣятельно помогала своимъ теткамъ стирать бѣлье и готовить обѣдъ.

Наступила осень. Поднялись сѣверные вѣтры, разбушевалось Бѣлое озеро. И страшно было по ночамъ отъ глухого гнѣвнаго ропота волнъ и стопа и скрипа лѣса. Дѣти больше сидѣли дома и чаще посѣщали ихъ воспоминанья объ отцѣ и матери.

Нерѣдко, засыпая подъ вой осенней непогоды, Миша въ слезахъ шепталъ:

— Мамка, мамка!..

Маша молча плакала и молилась.

А зимой, когда застыло Бѣлое озеро и зимнія вьюги заносили снѣгомъ почти до половины бревенчатый домикъ, гдѣ жили изгнанники, становилось еще страшнѣе.

Лишь наступалъ вечеръ, близко, близко, чуть не у самыхъ дверей слышался волчій вой, пугая дѣтей и отгоняя отъ нихъ сонъ...

Рѣдко и смутно доходили на Бѣлое озеро вѣсти

изъ Москвы. Слышно было, что на Руси насталь великій голодъ и моръ...

— За грѣхи царя Бориса, шопотомъ говорили иноки, и въ долгіе зимніе вечера, навѣщая изгнанниковъ, высчитывали грѣхи нелюбимаго царя. И смерть царя Θεодора, и убійство царевича Дмитрія, и колдовство, и волхвованіе, къ которымъ прибѣгалъ царь, и любовь его къ иноземцамъ...

Черно будущее... Молчитъ царь Борисъ, словно забылъ объ изгнанникахъ... И это страшнѣ всего!

Царь Борисъ никого не забываетъ... Не могъ онъ забыть, что, лишивъ боярина Θεодора Никитича возможности когда-либо вступить на престоль, онъ оставилъ его подрастающаго сына. Не могъ не знать онъ, что не забыли въ Москвѣ Романовыхъ...

А въ это время на пустынныхъ берегахъ Онежскаго озера, въ заброшенномъ, въ глухомъ лѣсу, монастырскомъ погостѣ изнывала отъ безутѣшной скорби одинокая вдова при живомъ мужѣ, отчаявшаяся мать, инокиня Марѳа, и какъ левъ въ клѣткѣ неистовствовалъ и пугалъ мирныхъ старцевъ своимъ неукротимымъ гнѣвомъ Θεодоръ Никитичъ, теперь іеромонахъ Филаретъ, въ Антоніевомъ Сійскомъ монастырѣ.

Но иногда онъ падалъ духомъ и прислуживавшій ему послушникъ слышалъ, какъ Филаретъ стоя на колѣняхъ, сжимая на груди руки, говорилъ глядя на него, но не видя его:

— Малыя дѣтки мои! Маленькія, бѣдныя. Кому поить, кормить васъ? Жена моя бѣдная, Ксеша моя, жива ли ты? Завезена ты туда, куда и слухъ никакой не дойдетъ! Что мнѣ? Мнѣ ничего не надо. Одно горе мое за васъ... Словно рогатиной въ сердце толкаетъ, какъ вспомню о васъ!.. О, лучше бы помереть вамъ!..

И послушникъ плакалъ, слушая эти жалобы.

Но послѣ такихъ приступовъ отчаянья, еще гнѣвнѣе становился Филаретъ.

Въ такіе дни къ нему боялись приступиться...

Шли дни... Много прошло ихъ. Въ Пелымѣ въ тяжелыхъ цѣпяхъ медленно умиралъ Василій Никитичъ «отъ звѣрства пристава». Тяжело хворалъ Иванъ, и не было видно никакого просвѣта впереди.

XVII.

Вѣчно мучимый подозрѣніями, боясь за свою молодую династію, Борисъ вздохнулъ свободно съ удаленіемъ Романовыхъ. Но словно рокъ преслѣдовалъ его. Едва успокоились его подозрѣнія, насталъ неслыханный голодъ. Все лѣто шли дожди великіе по всей землѣ и не давали хлѣбу созрѣть. Стоялъ онъ налившись зеленый, какъ трава. На праздникъ Успенія былъ морозъ великій и побилъ весь хлѣбъ, рожь и овесъ... И вотъ насталъ голодъ... Люди валялись по улицамъ Москвы... Ъли, какъ животныя, сѣно и въ мукахъ погибали.

Борисъ велѣлъ раздавать деньги бѣднымъ. Но каждое благое начинаніе Бориса обращалось въ проклятье... Узнавъ, что царь въ Москвѣ раздаетъ деньги, толпы народа изъ окрестныхъ городовъ и деревень хлынули въ Москву.

Голодные толпы просили хлѣба, имъ давали денегъ, на которыя ничего нельзя было купить въ опустошенной уже Москвѣ... Въ Москвѣ погибло тогда отъ голода до 500.000 человѣкъ... Какъ неизбежный спутникъ голода появилось моровое повѣтріе...

За голодомъ и моромъ послѣдовали разбои... Шайки голодныхъ, одичалыхъ людей наводнили Москву и ея окрестности...

Но все проходитъ. Прошли и эти страшныя

години. Миновали голодь и повѣтріе; чтобы дать заработокъ голытьбѣ, Борисъ предпринялъ новыя постройки. Но ропотъ народный не утихаль...

Проклятіе тяготѣло надъ царемъ Борисомъ. За что? Знала только его совѣсть да недремлющій карающій Судья его...

Царь просваталь свою дочь, кроткую и нѣжную Ксенію, за датскаго принца Іоанна Ягана. Молодой принць за время своего недолгаго пребыванія въ Москвѣ успѣлъ уже полюбитъя москвичамъ... И вдругъ онъ захвораль тяжелой немочью...

Сейчасъ же по Москвѣ распространились слухи, что Семень Никитичъ отравиль принца, по приказу царя, опасавшагося любви народной къ принцу, въ ущербъ его наслѣднику юному Ѳедору...

Несмотря на все искусство царскихъ медиковъ, во главѣ съ Каспаромъ Фидлеромъ, королевичъ умираль... Царь приказаль служить молебны, открыть тюрьмы и выпустить колодниковъ...

Блѣдный и удрученный сидѣль царь. За эти годы онъ постарѣль. Голова его посѣдѣла, движенья утратили свою живость, впали глаза, горѣвшіе лихорадочнымъ блескомъ.

Около него стояль окольнічій Иванъ Иванычъ Годуновъ, сохранившій расположеніе царя, несмотря на то, что былъ женатъ на сестрѣ Ѳедора Никитича — Иринѣ Никитичнѣ.

— Что говоритъ медикусъ? спросиль царь.

— Я сейчасъ оттуда, великій государь, отвѣтилъ Иванъ Иванычъ, — все тоже. Королевичъ лежитъ въ огнѣ...

— О Господи! произнесъ царь, закрывая лицо руками... — Ты видишь муку мою за дочь мою, ужели не пощадишь?.. Я все сдѣлаль, продолжалъ онъ, — я молился Господу Силь, я облегчилъ участь

заключенныхъ...

— Великій государь, тихо началъ Иванъ Иванычъ. — Господь слышитъ твои молитвы и видитъ твои добрыя дѣла и какъ сердце отца разрывается отъ муки за дочь... Государь, облегчи же еще участь матери, у которой взяли ея дѣтей, участь отца, разлученнаго съ ними...

— Ты про кого? спросилъ царь и подозрительность сверкнула въ его очахъ.

— Государь, продолжалъ Иванъ Иванычъ, опускаясь на колѣни, — моя жена слезно молитъ за ея племянника и племянницу...

— А-а! сдвигая брови произнесъ царь.

— Что теперъ бояринъ Ѳедоръ Никитичъ? настойчиво продолжалъ Иванъ, — онъ только старецъ Филаретъ на далекой Сіѣ въ глухой обители... Что жена его? бѣдная инокиня!.. А дѣти, — сироты при живыхъ отцѣ и матери, — далеко, далеко отъ нея... Прости, великій государь, утоли скорбь матери, верни ей дѣтей... И она будетъ молиться Богу за тебя, великій государь, а молитва матери доходна къ Богу...

Молча слушалъ его Борисъ. И впрямь, Романовы не страшны ему болѣ...

Онъ поднялъ голову.

— Пусть будетъ такъ, торжественно произнесъ онъ. — Верни матери ея дѣтей и разрѣшаю имъ ѣхать въ отчину ихъ въ Юрьевъ Польскій... Вели заготовить указъ...

Иванъ Иванычъ съ радостнымъ и сердечнымъ умиленіемъ поцѣловалъ милостиво протянутую царемъ руку.

Въ это мгновенье дверь широко и шумно распахнулась и въ комнату вбѣжала Ксенія. Ея лицо горѣло, густая коса полураспустилась... Не обращая вниманія на молодого окольничьяго, она бросилась къ

отцу съ радостнымъ крикомъ:

— Ему лучше, лучше, онъ пришелъ въ себя...

И рыдая, она обняла отца.

Царь Борисъ благоговѣнно поднѣялъ глаза. На его суровыхъ глазахъ какъ будто на одно мгновеніе блеснули слезы... Потомъ онъ перевелъ взоръ на Ивана Иваныча и тихо произнесъ:

— Облегчи участь братьевъ....

Окольничій низко поклонился и поспѣшилъ выйти.

Увы! Надежда была ложная. Королевичъ дѣйствительно пришелъ въ себя, но это была только вспышка молодыхъ силъ...

На другой день онъ умеръ.

Но Иванъ Иванычъ уже поторопился отправить съ царскими указами приставовъ на Бѣлоозеро и въ Заонежскую пустынь...

Когда Семень Никитичъ узналъ объ этомъ распоряженіи царя, онъ бросился къ нему, убѣждая царя не дѣлать никакой милости злѣйшимъ врагамъ его...

Но удрученный, упавшій духомъ, Борисъ только махнулъ рукой...

XVIII.

Первоначально ужасъ охватилъ бѣлозерскихъ изгнанниковъ, когда узнали они о пріѣздѣ царскихъ приставовъ. Никто не ждалъ отъ царя Бориса ничего добраго. Въ Москвѣ строго наказали приставамъ не говорить, куда они должны везти изгнанниковъ, что бы не было соблазна въ народѣ. Но Ирина Никитична тайно поручила одному изъ приставовъ передать сестрамъ «цидулу», въ которой сообщила имъ о перемѣнѣ въ ихъ судьбѣ и о милости царя. При этомъ Ирина Никитична просила держать это въ тайнѣ и не показывать

приставамъ вида, что имъ что-либо извѣстно. Скрывая свою радость, взрослые продолжали дѣлать видъ, что сильно встревожены, и успѣли обмануть приставовъ, которые посмѣивались себѣ въ кулакъ, видя тревогу плѣнниковъ. Плачущихъ дѣтей утѣшали словами, что-де скоро они увидятъ отца съ матерью... И дѣти рвались скорѣе ѣхать.

Въ ближайшей обители отслужили напутственный молебенъ. Бѣдные рыбаки наперерывъ приносили имъ рыбу, стараясь выказать имъ свою привязанность. Миша искренно плакалъ, разставаясь съ ними, съ этими простыми людьми, относившимися къ нему съ неизмѣнной лаской...

Забравъ свои пожитки, напутствуемые благословеніями монаховъ и мѣстныхъ жителей, уѣхали плѣнники къ невѣдомой судьбѣ...

Такое же письмо съ приставами сумѣла Ирина Никитична отправить и Марѣ въ Заонежскій погостъ. Въ этомъ письмѣ Ирина прибавляла, что царь приказалъ облегчить судьбу и Филарета и возвести его въ санъ архимандрита...

Марѣа почти обезумѣла отъ радости...

Увидѣть дѣтей! Мишу, Машу! Услышать снова ихъ лепетъ... Какіе они стали за долгое время полуторагодовой разлуки? Здоровы ли? Не заболѣлъ ли ея ненаглядный Мишенька?..

Она торопила приставовъ. Считала дни, часы, минуты... Мысль о дѣтяхъ заслонила мысль о мужѣ... Вся жизнь ея измученнаго сердца сосредоточилась на дѣтяхъ, все счастье видѣла она только въ нихъ, считая свою жизнь конченной.

Оживился старый боярскій домъ родовой вотчины Романовыхъ, близъ Юрьева Польскаго. Невѣдомыми путями распространилась вѣсть о прибыти бояръ...

Насталъ, наконецъ, желанный день... Вдали яснымъ морознымъ утромъ показались возки.

Вся дворня высыпала на дорогу... Впереди стоялъ священникъ съ крестомъ въ рукѣхъ, рядомъ съ нимъ староста съ хлѣбомъ солью...

Встрѣча была трогательна и торжественна. Дворовые плакали, цѣлуя руки князя, боярынь и дѣтей. Подымали дѣтей на руки. Миша радостно кричалъ и все спрашивалъ, гдѣ же мамка? Ему отвѣчали, что его мать ѣдетъ и скоро будетъ здѣсь...

Князь Черкасскій думалъ, что опала вовсе минуетъ ихъ. Они теперь такъ близко отъ Москвы. Но эта свобода была только кажущейся. Хоть и въ родовой отчинѣ, въ своемъ домѣ, они все же были плѣнниками. По указу царя къ нимъ были приставлены пристава. Они не смѣли ни съ кѣмъ имѣть никакого общенія и не могли, какъ хозяева, распоряжаться у себя въ домѣ. Но все же это было лучше, чѣмъ заточеніе на глухихъ берегахъ Бѣлаго озера...

Черезъ нѣсколько дней прибыла и Марѳа...

Кто можетъ описать чувство матери, потерявшей надежду видѣть своихъ дѣтей и вновь увидѣвшей ихъ здоровыми и веселыми?..

Она не сводила съ нихъ глазъ, цѣловала ихъ ручки, глазки, волосы... Она не могла насмотрѣться на нихъ, въ эти минуты она даже молилась за царя Бориса...

Казалось, царь Борисъ уже насытился гнѣвомъ. Онъ разгромилъ ненавистный ему родъ Романовыхъ, лишилъ ихъ силы и значенія и почти всего состоянія. Оставилъ только одного младенца... Но на младенца не подымалась его рука... Быть-можетъ между нимъ и Михаиломъ стоялъ кровавый призракъ другого младенца, маленькаго царевича...

Царь, казалось, забылъ о Романовыхъ. Но не

забылъ о нихъ Семень Никитичъ. Вѣсть о милости царя разнеслась по Москвѣ. Чаше и чаще поминалось ихъ имя. Дошли слухи, что казанскій митрополитъ Гермогенъ какъ-то упомянулъ о нихъ, какъ о надеждѣ будущаго.

Этого было довольно, чтобы снова пробудилась заснувшая подозрительность царя, усиленная навѣтами Семена Никитича. И днемъ и ночью, при каждомъ удобномъ случаѣ твердилъ онъ царю о любви народной къ Романовымъ...

— Государь, говорилъ онъ, — не на жизнь свою устрояешь ты царство, а въ долготу вѣковъ. Пока живъ ты, молчатъ злодѣи. Но подумай, когда воцарится сынъ твой Θεодоръ... и подрастетъ Михаилъ — надежда враговъ твоихъ... Что будетъ тогда?..

Эти слова, часто повторяемая, мало-по-малу западали въ душу царя. И невольно думалъ онъ, что, какъ на пути къ трону стоялъ младенецъ Дмитрій, такъ на пути его сына можетъ стать Михаилъ... Больше всего боялся царь за участь своего наслѣдника Θεодора. Ему всюду грезилась измѣна. Онъ дошелъ до того, что запретилъ боярамъ, знатнѣе его родомъ, Рюриковичамъ, — Θεодору Ивановичу Мстиславскому и Василию Ивановичу Шуйскому жениться, изъ боязни, что у нихъ будутъ сыновья, имѣющіе въ глазахъ народа больше правъ на престолъ Ивана Васильевича, чѣмъ его сынъ...

Со времени гибели Романовыхъ, въ которой главную роль игралъ Бартеневъ, Оома Васильичъ обратилъ на себя вниманіе царя. Онъ уже былъ женатъ на Иринѣ и имѣлъ сына. Тестъ его былъ назначенъ головою приказа. Самъ онъ жилъ въ богатствѣ и почести въ старомъ домѣ боярина Александра Никитича, гдѣ онъ былъ такъ недавно дворовымъ человѣкомъ. Ему уже нечего было желать. Его предательство было щедро оплачено. Но тотъ, кто видалъ полтора года тому

назадъ, пожалуй, не узналъ бы его при встрѣчѣ. Онъ осунулся и какъ-то пожелтѣлъ. Глаза приобрѣли безпокойное, неувѣренное выраженье. Онъ почти никогда не бывалъ веселъ. Въ этомъ старомъ домѣ все напоминало ему недавнее прошлое: и ласку боярина и послѣдній разговоръ съ нимъ, когда Александръ Никитичъ довѣрилъ ему тайну заповѣднаго клада и мучительную ночь, когда онъ подложилъ коренья, данныя ему Семеномъ Никитичемъ. Тайная скорбь пожирала его. Ему казалось, что онъ не только предалъ своего боярина, но обманулъ и царя. Быть-можетъ, если бы не онъ, туча прошла бы мимо... Но сильнѣе и ярче все горѣло въ немъ воспоминанье о послѣдней встрѣчѣ его съ Александромъ Никитичемъ на Патріаршемъ дворѣ. Словно выжженные горѣли въ его душѣ слова боярина:

— Я прощаю тебя...

Онъ наглухо закрылъ комнату, гдѣ былъ тайничокъ, никого не пускалъ въ нее и самъ только изрѣдка ходилъ туда, съ невольной дрожью, провѣрять кладь...

Иногда на него находили приступы такой неодолимой тоски, что онъ забывалъ жену, сына и на нѣсколько дней скрывался изъ дому... Гдѣ онъ пропадалъ въ это время, никто не могъ бы сказать... А онъ, переодѣтый посадскимъ человѣкомъ, ходилъ изъ кружала въ кружало, вездѣ пьянствуя, угощая всякую голытьбу, прислушиваясь къ говору. И каждый разъ, какъ шопотомъ поминали имя Романовыхъ и проклинали Семена Никитича, его сердце болѣзненно сжималось... Онъ становился противенъ самому себѣ и пилъ, пилъ...

Потомъ возвращался домой и въ семейной жизни съ любящей женой и сыномъ, въ которомъ души не чаялъ, старался найти забвеніе. Иногда это удавалось ему. Беззавѣтно любящая Ирина была всегда кротка и неизмѣнна.

Чужой былъ у нихъ постояннымъ, но нежеланнымъ для Оомы Васильича гостемъ: слишкомъ тяжелыя воспоминанія пробуждалъ въ немъ Чужой. Семень Никитичъ тоже нерѣдко достаивалъ его своимъ посѣщеніемъ...

Семену Никитичу, видѣвшему, какъ пошатнулось здоровье царя, подъ вліяніемъ неурядицъ и своей семейной жизни и вслѣдствіе голода и мора всей Руси становилось страшно за будущее.

«Царь недолговѣченъ, думалъ онъ, — надо укрѣпить на престолѣ Оедора. Надо уничтожить его враговъ, изъ нихъ же первый, какъ страшное оружіе въ рукахъ бояръ, ненавидящихъ родъ Годунова, Михаилъ...»

Но какъ это сдѣлать?

Въ одну изъ минутъ, когда царя особенно мучили боли въ ногахъ и онъ не спалъ всю ночь (даже средство Каспара Фидлера не помогало), онъ хитро завелъ рѣчь о козняхъ враговъ. Онъ разсказалъ, что князь Черкасскій, пользуясь близостью къ Москвѣ, завелъ уже сношенія съ Москвой. Что-де онъ распускаетъ слухи, что царь одряхлѣлъ и боленъ, что жить ему недолго и надо уничтожить весь родъ Годуновыхъ... Что по смерти царя есть прямой наслѣдникъ Ивана Грознаго, Миша Романовъ.

Царь мрачно слушалъ его, и въ его воображеніи проносились картины смуты Руси и гибели его сына...

— А чтобы не было того, говорилъ Семень Никитичъ, — возьми Михаила на Москву. Безо всякаго утѣсненія... Будетъ онъ въ твоихъ рукахъ, и они смирятся...

— Да, безъ утѣсненія, задумчиво произнесъ царь, и вдругъ загорѣвшимися глазами посмотрѣлъ на Семена...

Подъ пылающимъ взоромъ царя Семень

опустиль глаза...

— А Митю помнишь? зловѣщимъ голосомъ произнесъ онъ, и дрожь прошла по его тѣлу...

— Великій государь, поблѣднѣвъ, воскликнулъ Семень, — то была воля Божья!

Царь тяжело дышаль.

— Воля Божья творится руками человѣческими, тихо проговорилъ царь.

— Мы привеземъ его на Москву, самъ разсудишь, проговорилъ Семень.

— Я возьму его во дворець, продолжалъ царь, — пусть растетъ на моихъ глазахъ... Хорошо, закончилъ онъ, — такъ быть-можетъ будетъ лучше... Но смотри, гнѣвно сказалъ онъ, пристально глядя на Семена, — доставь благополучно... Головой отвѣчаешь...

Но голосъ царя прозвучаль какъ-то странно, неувѣренно...

«Ладно, подумаль Семень, — мало ли что въ дорогѣ случится можетъ! Аль-бо кони понесутъ, аль-бо самъ упадетъ... Ребенокъ рѣзвый...» Семень внутренне улыбнулся...

Съ низкимъ поклономъ, торжествуя въ душѣ, вышелъ онъ изъ царской опочивальни.

XIX.

Глава стрѣлецкаго приказа, Василій Петровичъ Афанасьевъ, сидѣль у Бартенева за пышнымъ ужиномъ. Ирина то и дѣло подливала ему вина.

— Подливай, подливай, Оринушка, говорилъ захмелѣшій голова, — угощай отца! Пей сынокъ, пей Оома, на разлуке...

И голова пиль чару за чарой.

— На какой разлукѣ батюшка? спросилъ Оома, чокаясь съ Васильемъ Петровичемъ.

Василій Петровичъ поднялъ палець вверхъ.

— Тсс! то дѣло государево. Понялъ?

— Царь что ль выѣзжаетъ? спросилъ Оома.

Голова засмѣялся.

— Эхъ ты, давно на веру не бывалъ, Семена Никитича не слушалъ...

— Не разумѣю, батюшка, отозвался Бартенева, чувствуя, какъ упало его сердце при словахъ головы.

— Вишь ты... ну да ты свой, продолжалъ голова. — Дѣло потайное, отчего тебѣ не довѣрять! Да ты пей и отцу наливай.

Дрожащей рукой налилъ Бартенева двѣ стопы крѣпкаго меду.

— Такъ-то лучше, произнесъ голова, подымая стопу. — А дѣло, вишь, какое. Приказалъ Семена Никитичъ, по царскому указу, привезти на Москву Мишу Романова.

— Мишу Романова? Почто? съ живостью спросилъ Бартенева.

— Оно какъ бы на случай, отвѣтилъ голова, — чтобы значить держать его про запасъ...

Мгновенно Бартенева понялъ планъ Семена Никитича и желанье царя. «Погубить хотять», мелькнуло въ его мысляхъ.

— Когда же поѣдешь, батюшка? повидимому спокойно спросилъ онъ.

— А на разсвѣтѣ, сынокъ, отвѣтилъ голова...

Онъ видимо хмелѣлъ.

— А... Ну пей же, пей же батюшка! лихорадочно-возбужденно Бартенева наливалъ ему крѣпкаго меду. — Оринушка, обратился онъ къ женѣ, — ты бы пошла въ опочивальню, а мы съ батюшкой еще потолкуемъ.

Ирина послушно встала, поцѣловала руку отца и вышла.

— Пей же, батюшка, говорилъ Оома, подливая меду...

— Ъхать пора, отвѣтилъ голова.

— И полно, батюшка, ночь велика, безопасно отвѣчалъ Оома.

Василій Петровичъ уже невѣрной рукой подносилъ ко рту стопу...

Бартеневъ внимательно слѣдилъ за нимъ.

Наконецъ Василій Петровичъ уронилъ изъ рукъ стопу и, упавъ на столъ головой, почти моментально захрапѣлъ.

Бартеневъ позвалъ слугъ, приказалъ имъ тихонько перенести боярина въ опочивальню и не тревожить его, а самъ поспѣшилъ во дворъ и распорядился сѣдлатъ своего «Сокола», да собираться ѣхать съ нимъ двумъ холопамъ и стремянному, да захватить каждому по запасной лошади...

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже выѣхалъ со двора.

Онъ оживился. Чувствовалъ себя бодро и радостно. То, что затѣялъ онъ, казалось нѣкоторымъ искупленіемъ за совершенное предательство. А задумалъ онъ спасти Мишу. Путь предстоялъ далекій, около полутораста верстъ, но кони были добрые, да въ дорогѣ еще отдохнуть. Голова проспить долго и Бартеневъ считалъ, что выгадаетъ часовъ двѣнадцать. По дорогѣ онъ обдумывалъ свой планъ и остановился на мысли посоветовать боярынѣ отправиться въ другую Романовскую вотчину, полуразоренную, подъ Клиномъ.

Никому и въ голову не придетъ искать тамъ боярню. Люди разбѣжались. Домъ крѣпкій, съ подвалами. Укрыться есть гдѣ. Въ этой вотчинѣ, нераздѣленной между старшими братьями, не разъ случалось бывать Бартеневу по порученіямъ Александра Никитича.

Съ теченіемъ времени карауль въ домѣ ослабѣлъ. Два пристава, живущіе въ домѣ скоро сдѣлались своими людьми. Бояре жили тихо; никуда не выходили, даже на деревню, изъ своего сада. Развѣ только въ праздникъ въ церковь, въ сопровожденіи приставовъ. Ни съ кѣмъ не имѣли сношеній. Въ домѣ было много припасовъ, вина и меду, и пристава чувствовали себя привольно.

Марѣѣ разъ или два удалось получить вѣсточку отъ мужа и передать ему вѣсти о себѣ. Передатчиками служили «странные» люди, что бродяжничали изъ монастыря въ монастырь по всему лицу земли русской.

Дѣтей уже уложили спать. Взрослые сошлись за трапезой. Пристава, наскучивъ сидѣть дома, отправились бражничать на деревню...

Но едва устѣчись всѣ за столъ, какъ вбѣжалъ дворовый, ближній князя Бориса Иваныча. Онъ испуганнымъ шопотомъ сообщилъ, что съ дороги черезъ тынъ перелѣзъ какой-то человѣкъ и требуетъ немедленно провести его къ боярамъ.

Напуганныя женщины поднялись съ мѣсть.

— Тише, сказалъ поблѣднѣвшій князь, — быть-можетъ, тайный другъ. Проведи его сюда, обратился онъ къ дворовому.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату входилъ Бартеневъ.

Онъ перекрестился на образа и низко поклонился присутствовавшему.

Хотя его и не разъ видѣли раньше, но никто не узналъ его, тѣмъ болѣе, что послѣ утомительнаго пути онъ еще больше осунулся...

— Въ чемъ дѣло? спросилъ князь, — и кто ты добрый человѣкъ?.. Да ты едва на ногахъ держишься, прервалъ князь себя; — выпей.

Онъ самъ налилъ вина и подаль Бартеневу.

— Благодарствуй на ласкѣ, князь, отвѣтилъ Бартеневъ, съ низкимъ поклономъ, принимая изъ рукъ боярина чару.

Онъ духомъ выпилъ ее, и на его блѣдныхъ щекахъ появился румянецъ.

— Садись.

— Времени терять нечего бояринъ, твердо началъ онъ; — черезъ нѣсколько часовъ за мною слѣдомъ пріѣдутъ сюда, дабы по приказу царя отобрать отъ васъ младенца Михаила...

Марѳа слабо вскрикнула. Князь подозрительно взглянулъ на Бартенева.

Бартеневъ понялъ его взглядъ и горячо заговорилъ:

— Клянусь Богомъ, вѣрь мнѣ, бояринъ. Ни минуты отдыха не зналъ я... Летѣлъ къ вамъ отъ Москвы. Я пріятель со стрѣлецкимъ сотникомъ, что вмѣстѣ съ головой приказа ѣдетъ за Михаиломъ. А чтобы ты не сомнѣвался, бояринъ, во мнѣ, сказалъ Бартеневъ, — видишь: онъ распахнулъ на груди кафтанъ, вынулъ складень и показалъ его князю Черкасскому.

— Благословеніе Никиты Романова, произнесъ князь; — онъ былъ у Александра Никитича. Какъ ты добылъ его?..

— Узнаешь потомъ, отвѣтилъ Оома. — Такъ вотъ на немъ клянусь, что говорю правду.

— Я вѣрю тебѣ, съ благоговѣніемъ отвѣтилъ князь.

Этотъ складень Александръ Никитичъ на ночь всегда вѣшалъ на изголовье. Въ роковой день, когда повезли его на Патріаршій дворъ, онъ забылъ надѣть его. Тамъ и нашелъ его Оома, хорошо знавшій эту родовую святыню.

— Бѣжать надо, продолжалъ онъ, — въ Клинь...

Тамъ спокойнѣе пока... Больше некуда... Торопитесь, чтобы поздно не было... И Бартенева прерывающимся голосомъ взволнованно говорилъ о близкой опасности. Онъ передавалъ всѣ козни Семена Никитича, говорилъ о неизбежной гибели Михаила, если его возьмутъ на Москву. — Да и доvezутъ ли! зловѣще добавилъ онъ.

Бартенева напомнилъ о судьбѣ царевича Дмитрія... Въ его голосѣ слышалось столько правды и искренности, что разсѣялись послѣднія сомнѣнія, если у кого они и оставались. Стали торопливо обсуждать планъ побѣга. Убѣжить одна Марѳа съ дѣтьми. Бартенева проводить ее.

Марѳа осторожно разбудила спящихъ дѣтей. Ихъ укутали мѣхами, въ то время, какъ князь приказывалъ заложить тройку...

Потрявоженные дѣти испуганно глядѣли на мать. Ихъ тетки тихо плакали...

Безшумно растворились ворота, и тройка выѣхала со двора. На дорогѣ къ ней присоединились Бартенева со слугами.

На утро съ шумомъ и криками подскочилъ къ воротамъ боярскаго дома отрядъ стрѣльцовъ. Испуганные пристава успѣли открыть ворота.

Василій Петровичъ потребовалъ провести его къ князю. Князь спокойно выслушалъ царскій указъ и сказалъ:

— Я передамъ волю великаго государя.

Онъ прошелъ во внутренніе покои, но скоро вернулся и сказалъ Василю Петровичу, что боярыня съ дѣтьми должно-быть гуляетъ въ саду.

Стрѣльцы бросились въ садъ... Но тамъ никого не было.

Афанасьевъ обезумѣлъ отъ злости. Пристава бѣгали, какъ потерянные. Но боярыни и дѣтей и слѣдъ простылъ. Съ скрытой усмѣшкой слѣдили за поисками

дворовые, зная, въ чемъ дѣло.

Озлобленный Василій Петровичъ велѣлъ взять приставовъ и ни съ чѣмъ уѣхалъ въ Москву...

Трудно передать бѣшенство Семена Никитича, когда онъ узналъ о бѣгствѣ Марѳы съ дѣтьми. Онъ предалъ самымъ ужаснымъ мукамъ приставовъ, но ничего не могъ добиться... Онъ хотѣлъ начать сыскъ, отдать на пытку князя Черкасскаго, но не смѣлъ этого сдѣлать безъ разрѣшенія царя.

Но къ царю было страшно подступиться. Какъ дуновеніе смерти и гибели откуда-то издалека донесся странный, неопредѣленный слухъ, что живъ царевичъ Дмитрій...

Это было страшно и неожиданно. Объ этомъ боялись говорить даже шопотомъ, ночью, въ четырехъ стѣнахъ...

Царь лишился сна... Это былъ тотъ роковой ударъ, котораго царь безсознательно ждалъ и боялся въ свои бессонныя, мучительныя ночи, когда ему являлся окровавленный призракъ младенца...

Романовы были забыты имъ... Всѣ его мысли, всѣ его силы направлены на борьбу съ призракомъ.

Кровавая тѣнь встала изъ могилы...

XX.

Клинская отчина Романовыхъ дѣйствительно опустѣла. Холопы разбѣжались, напуганные опалю боярѣ. Отчина была слишкомъ близко къ Москвѣ, чтобы дворовые могли не бояться. И въ самомъ дѣлѣ нѣсколькихъ захватили. Остальные поспѣшили разсѣяться.

Въ отчинѣ было два боярскихъ дома. Одинъ недалеко отъ большой дороги, гдѣ нерѣдко проводили лѣто Романовы. Другой же, не такой большой, но видомъ

своимъ напоминавшій крѣпостцу, находился въ глубинѣ лѣса. Когда онъ былъ выстроенъ? Никто не могъ сказать. Вѣрнѣе всего онъ былъ выстроенъ, какъ мѣсто убѣжища во время татарскихъ нашествій, и постройка его относилась ко временамъ Тохтамыша и Тамерлана т.-е. къ концу XIV вѣка. Домъ и стѣна, окружавшая его, пришли, съ внѣшней стороны нѣсколько въ упадокъ. Но внутренность дома сохранила жилой видъ. Печи были цѣлы, окна и двери тоже. Въ этотъ домъ любили заѣзжать на недѣлю, другую, въ періодъ охоты, братья Романовы, страстные охотники. Тамъ же одно время укрывался отецъ Ѳедора Никитича, Никита Романовъ, когда въ 1580 году его постигъ гнѣвъ царя Ивана Васильевича. Тогда домъ боярина на «Варварскомъ крестцѣ», въ Москвѣ, былъ разграбленъ стрѣльцами, самъ онъ былъ лишенъ большинства своихъ помѣстій и впалъ въ нищету. Здѣсь онъ скрывался со своей семьей, пока царь не вернулъ ему своей милости и не возвратилъ ему всѣхъ его богатствъ.

Здѣсь теперь поселилась Марѳа съ дѣтьми. При домѣ жилъ только одинъ старикъ Архипъ, бывшій доѣзжачій Никиты Романова, съ сыномъ Иваномъ и дочерью Ѳедосьей. Старикъ наблюдалъ за боярскими покоями, дочь вела хозяйство, а сынъ, частью охотою, частью изъ-за другого боярскаго дома, добывалъ средства къ существованію.

Бартеневъ, проводивъ Марѳу съ дѣтьми, нѣсколько успокоенный вернулся домой, обдумывая, какъ спасти дальше Мишу отъ происковъ Семена Никитича. Ирина встрѣтила его, какъ всегда, ласково и нѣжно. Привыкшая къ отлучкамъ мужа она не спросила его, гдѣ онъ былъ, а онъ остерегался сказать ей это, боясь, что она проговорится.

Никогда жестокость Бориса не доходила до такой степени, въ какъ это время. Слухъ о появленіи

сына царя Ивана глухо передавался изъ устъ въ уста на Москвѣ, и эти слухи были для царя, какъ голосъ гнѣва Божьяго. За неосторожное слово, за намекъ на царевича Дмитрія, людей хватали на улицахъ, площадяхъ, въ кружалахъ, въ домахъ, по оговору холоповъ, и предавали смерти. Но слухи росли, появились подметныя письма, «прелестныя грамоты», возбуждавшія народъ. Находились люди, говорившіе подъ пыткой, что своими глазами видѣли чудесно спасеннаго Дмитрія. Въ Константиновскомъ застѣнкѣ и день и ночь пылали горны, и Семенъ Никитичъ работалъ...

Но чѣмъ больше злобствовалъ и ожесточался царь Борисъ, тѣмъ упорнѣе и настойчивѣе становились слухи. Что особенно пугало Бориса, такъ это то, что среди родовитаго боярства начиналось движеніе. Бояре словно съ жадностью ловили эти слухи, и царь снова вспомнилъ о Романовыхъ. Среди боярѣ много было лицъ, связанныхъ съ Романовыми узами дружбы или дальнаго родства, и опять, чтобы обуздать этихъ боярѣ, а также примирить ихъ съ собою, царь, по наущенію Семена, считалъ лучшимъ держать при дворѣ Михаила Романова. Этимъ ему, казалось, онъ установилъ бы живую связь между собою и знатнѣйшими боярами и примирилъ бы Москву съ опалой Романовыхъ, показавъ, что за грѣхи отца онъ не караетъ сына.

Семенъ посмѣивался въ бороду и про себя думалъ, что при дворѣ царя Бориса не трудно захворать неизлѣчимой болѣзнью, при помощи Каспара.

Но не хватало главнаго, Михаила Романова. Онъ какъ въ воду канулъ. Обратить свой гнѣвъ на старшихъ Романовыхъ царь не хотѣлъ, не желая возбуждать Москвы.

Онъ призвалъ Семена и крѣпко приказалъ ему доставить ко двору дѣтей бывшаго боярина Ѳедора Никитича, нынѣ архимандрита Филарета. Царь

разсчитывалъ, что когда Михаилъ будетъ воспитываться при дворѣ, какъ царевичъ, окруженный почетомъ, какъ членъ семьи, то это произведетъ благопріятное впечатлѣніе на боярѣ, отвратитъ отъ него подозрѣнія въ желаніи унижить или уничтожить древніе роды и пріобрѣтетъ ему доброжелателей среди вліятельныхъ въ народѣ лицъ. Съ другой стороны, Михаилъ Романовъ явился бы, какъ заложникъ, въ его рукахъ, и лица, заинтересованныя въ его судьбѣ, невольно поддерживали бы царя.

Семень, ненавидѣвшій Романовыхъ и боявшійся ихъ, кромѣ того, мечтавшій получить ихъ домъ на Варваркѣ, поставилъ на ноги всѣхъ своихъ доглядчиковъ. Онъ не жалѣлъ казны, чтобы напасть на слѣдъ Михаила. Но все было напрасно. Старанья докладчиковъ оставались безплодны и это объяснялось общимъ сочувствіемъ къ семьѣ опальнаго боярина.

Бартеневъ якобы принялъ самое дѣятельное участіе въ поискахъ бѣглецовъ, а между тѣмъ всѣ силы напрягалъ къ тому, чтобы сбить доглядчиковъ со слѣду и отвратить отъ нихъ опасность. И это ему долгое время удавалось. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ тайно посылалъ людей, съ деньгами и припасами, и наказывалъ имъ быть, какъ можно осторожнѣе, а самъ и дни и ночи ломалъ голову надъ вопросомъ, куда бы увезти ихъ подальше. Клинь мѣсто ненадежное, — къ Москвѣ близко!

Обо всемъ этомъ зналъ и Воинко, забытый царемъ, проживавшій въ дарованной ему вотчинѣ близъ Клина. Отвергнутая любовь, забытыя его заслуги, какъ ему казалось, заставили его уѣхать изъ Москвы. Онъ жилъ въ своей вотчинѣ, какъ богатый бояринъ, но червь точилъ его сердце. Мысль о Бартеневѣ не давала ему покоя. Онъ поклялся въ душѣ погубить его. Онъ давно зналъ, что Бартеневъ, повидимому, счастливъ, что у него уже есть сынъ, что онъ на примѣтѣ у царя, и съ

каждымъ днемъ онъ все глубже ненавидилъ его.

Время было безсильно надъ его ненавистью.

Владѣнья Воинко примыкали въ вотчинѣ Романовыхъ, и Воинко по своей скупости часто думалъ, какъ было бы хорошо округлить свои владѣнія еще помѣстьемъ опальныхъ бояръ.

Онъ часто ѣзжалъ въ опустошенную вотчину Романовыхъ. Пользуясь запустѣньемъ, онъ охотился тамъ и жаднымъ взоромъ осматривалъ всѣ угодыя.

XIX.

Ярко свѣтило солнце. Тихо было въ вѣковомъ лѣсу. Воинко медленно ѣхалъ на конѣ по узкой дорогѣ среди лѣса.

Вдругъ онъ остановилъ коня. Послышался звонкій дѣтскій голосокъ.

— Домна, Домна! ау!..

— Миша, Миша! Гдѣ ты? раздался тревожный голосъ.

На дорогу выбѣжалъ мальчикъ въ высокихъ сапогахъ, въ отороченномъ мѣхомъ кафтанчикѣ и остроконечной мѣховой шапкѣ.

Воинко съ изумленіемъ смотрѣлъ на мальчика. Но вдругъ мгновенно въ его душѣ мелькнуло предположеніе, сразу обратившееся въ увѣренность. Вѣдь это отчина опальныхъ бояръ Романовыхъ. Этотъ нарядно одѣтый мальчикъ...

Сама судьба посылала ему удачу, какой онъ не могъ ожидать...

Мальчикъ нисколько не испугался. Заложивъ руки за кушачокъ, онъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на незнакомаго всадника. Издали доносился крикъ Домны:

— Миша, Миша!..

Но мальчикъ, поглощенный неожиданной

встрѣчей, не откликался.

— Здравствуй, Миша, ласково произнесъ Воинко.

— Здравствуй, бояринъ, отвѣтилъ мальчикъ.

— Ты не боярина ли Ѳедора Никитича Романова сынокъ? продолжалъ Воинко.

— Да, отвѣтилъ мальчикъ.

Въ эту минуту изъ-за деревьевъ показалась запыхавшаяся Домна.

Увидя незнакомца, она вся обомлѣла. Потомъ бросилась къ ребенку, схватила его за руку и, не глядя на Воинку, потащила Мишу въ лѣсъ.

Все это произошло такъ быстро, что Воинко не успѣлъ даже произнести слова. Долго съ торжествующей улыбкой смотрѣлъ онъ вслѣдъ ребенку.

— Ну теперъ держись, Ѳома Васильичъ, злобно проговорилъ онъ, — тестюшка твой упустилъ птенца; да не безъ твоего ли вѣдома.

Теперь Воинко былъ увѣренъ, что вернетъ расположеніе Семена Никитича и милость царя, да за одно погубить и Бартенева и Афанасьева. Онъ вернулся домой такой веселый, что холопы диву дались, и сейчасъ же приказалъ готовиться къ отъѣзду въ Москву.

Какъ вспугнутая съ гнѣзда насѣдка, переполошилась Марѳа, узнавъ о томъ, что ихъ дослѣдили. Инстинктъ матери и предупрежденія Бартенева подсказали ей новую опасность... Но куда скрыться, куда бѣжать? Что дѣлать ей слабой женщинѣ съ двумя дѣтьми, преслѣдуемой, беззащитной!..

Растерялась и Домна... Не потерялся только старый Архипъ.

— Вотъ, что боярыня, сказалъ онъ, — есть добрый и сильный человекъ, что привезъ васъ сюда, да заботится о васъ, какъ братъ родной. Сынъ-отъ мой дружить съ его холопами, что потайно навѣщаютъ тебя

здѣсь. Не знаетъ ли онъ ненарокомъ, гдѣ тотъ бояринъ на Москвѣ проживаетъ? Вотъ Ивана и спосылать. Онъ малый дошлый, всѣ пути-дороги знаетъ и конь добрый у него, не пропадетъ, чай...

Надежда ожила въ сердцѣ Марѳы. Она почему-то глубоко была убѣждена въ могуществовъ своего покровителя...

— Дѣдушка, миленькій, заволновалась она, — спасай насъ. Ищи Ивана, пусть поѣдетъ.

Старикъ не терялъ времени. Иванъ какъ разъ былъ дома. Выслушавъ, отца онъ тотчасъ собрался, промолвивъ:

— Ладно, найду.

Иванъ даже отцу не сказалъ, откуда ему извѣстно, гдѣ живетъ бояринъ. А зналъ онъ это отъ довѣреннаго, двороваго Бартенева. Бартеневъ, вѣчно на сторожѣ, предвидѣлъ, что его помощь можетъ неожиданно понадобится, и велѣлъ передать вѣрному человѣку при домѣ, гдѣ можно найти его въ Москвѣ. Но при этомъ онъ строго-на-строго наказалъ не говорить этого боярынѣ. Онъ боялся, что она, узнавъ, что онъ живетъ въ домѣ, принадлежавшемъ Александру Никитичу, догадается, кто онъ.

Воинко былъ увѣренъ, что теперь добыча не вырвется изъ его рукъ. Поэтому, хотя онъ и поспѣшилъ отъѣздомъ въ Москву, но ѣхалъ съ удобствомъ, въ возкѣ, въ сопровожденіи многочисленныхъ холоповъ, какъ надлежитъ знатному боярину, какимъ онъ считалъ себя. Ёхалъ онъ по большой дорогѣ, между тѣмъ, какъ Иванъ не жалѣя коня, гналъ его по окольнымъ путямъ, одному ему извѣстными тропами.

Иванъ былъ молчаливый и вѣрный человѣкъ. Онъ искренно привязался къ боярынѣ и всегда тихимъ, ласковымъ дѣтямъ, и никакая опасность не остановила бы его на пути, разъ онъ зналъ, что ѣдетъ для ихъ

спасенія.

XXII.

Иванъ пріѣхалъ ко двору Бартенева къ ночи, и по счастью встрѣтилъ у воротъ знакомаго двороваго. При содѣйствіи этого двороваго его тотчасъ провели къ Ѳомѣ Васильичу, который уже собирался спать. Бартенева тотчасъ принялъ его.

Выслушавъ разсказъ Ивана, онъ сразу понялъ, кто былъ человѣкъ, нарушившій уединеніе бѣглецовъ.

— Спасибо, другъ, сказалъ онъ, — отдохни, и завтра утромъ рано будь готовъ.

Онъ приказалъ довѣреннымъ дворовымъ, посвященнымъ въ тайну, пріютить и накормить Ивана.

Оставшись одинъ, онъ погрузился въ глубокое размышленіе. Опасность была близка, а чѣмъ предотвратить ее? Куда сокрыть боярыню съ дѣтьми отъ озлобленнаго царя, отъ жестокаго Семена и хищнаго Воинка?

Подальше отъ Москвы куда-нибудь, но куда?

Онъ перебиралъ въ умѣ все мѣста, гдѣ они могли бы скрыться, и не находилъ ни одного. Къ кому обратиться? Въ Москвѣ было не мало доброжелателей Романовыхъ, но все были запуганы царемъ Борисомъ, да и ему самому угрожала вѣрная смерть, если узнаютъ объ его участіи въ судьбѣ опальныхъ.

За себя онъ не боялся. Его останавливала мысль о женѣ и сынѣ, и о томъ, что съ его гибелью боярыня съ дѣтьми останется безо всякой заступы, а онъ давно далъ себѣ въ душѣ клятву искупить свое предательство неусыпной заботой надъ дѣтьми преданнаго имъ Ѳедора Никитича...

Изъ угла въ уголъ ходилъ Ѳома Васильевичъ по просторной горницѣ, изрѣдка прихлебывая крѣпкій

медь, упорно думая объ одномъ. Времени было мало. Воинко навѣрное прибудетъ на разсвѣтѣ и прямо отправится къ Семену Никитичу. Тотъ медлить не станетъ. Что дѣлать? И вдругъ мгновенно въ памяти Оомы блеснуло воспоминанье о слышанныхъ имъ въ былые дни разказахъ боярина Александра Никитича объ его охотахъ на лосей и медвѣдей въ глухихъ Костромскихъ лѣсахъ, гдѣ тоже была заброшенная вотчина Романовыхъ.

Эта мысль оживила его. Вотъ, гдѣ можно спастись. Не теряя минуты, охваченный надеждой онъ позвалъ своего стремяннаго, самаго преданнаго ему человѣка, бывшаго двороваго Александра Никитича, не измѣнивашаго своей привязанности даже послѣ предательства Оомы, Луку, всегда ночевавшаго близъ горницы съ тайничкомъ. Хотя онъ и не зналъ, почему закрыта всегда эта горенка, и почему иногда по ночамъ его новый господинъ ходитъ туда, но каждую ночь онъ ложился у ея порога, по приказу Оомы.

Оома приказалъ ему немедленно разбудить Ивана, приготовить лошадей и хорошій крытый возокъ, а конюхамъ велѣлъ сказать, что бояринъ-де отправляется на богомолье.

Отдавъ эти распоряженія, онъ поспѣшно прошелъ къ тайничку и, выбравъ увѣсистый сундучокъ, торопливо наполнилъ его золотыми монетами, жемчугомъ и самоцвѣтными камнями. При всей своей силѣ Оома съ трудомъ вынесъ сундучокъ и, заперевъ тайничокъ и горенку, прошелъ взглянуть на жену и ребенка. Въ послѣдній разъ, передъ отъѣздомъ, хотѣлъ онъ полюбоваться на нихъ, перекрестить ихъ, не зная, когда онъ вернется и вернется ли.

Тихо мерцали лампадки передъ кіотомъ въ опочивальнѣ Ирины. Оома на цыпочкахъ вошелъ въ комнату и остановился на порогѣ, въ невольномъ

изумленіи. На колѣняхъ передъ кіотомъ стояла Ирина и горячо молилась. При легкомъ шумѣ шаговъ мужа, она обернулась и поспѣшно встала съ колѣнъ. Въ ясномъ освѣщеніи лампадь Өома увидѣлъ ея заплаканное лицо и глаза, полные слезъ.

Тревожное чувство сжало его сердце. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и тихо произнесъ:

— Иринушка...

— Я молилась, мнѣ нудно, Өомушка, отвѣтила Ирина, опуская глаза, и вдругъ, повинувшись невольному порыву, быстро подошла къ мужу, крѣпко обняла его и, тихо вздрагивая, припала къ его груди.

— Иринушка, Иринушка, Христось съ тобой, испуганно твердилъ Өома.

Ребенокъ сладко спалъ въ своей колыбелькѣ.

Боясь нарушить его сонъ, Өома обнимая жену, вышелъ съ ней въ сосѣдную горницу.

— Что съ тобой? тревожно спросилъ онъ..

Она подняла на него глаза, изъ которыхъ катились безутѣшныя слезы.

— Я все знаю... тихо произнесла она. — О, зачѣмъ ты сдѣлалъ это?.. Лучше бы мнѣ броситься тогда было въ Москву-рѣку или запереться у бабки въ монастырѣ...

Смертельная блѣдность покрыла лицо Өомы.

— Что ты знаешь? сдавленнымъ шопотомъ спросилъ онъ.

— Мнѣ сказали... я знаю, прерывающимся голосомъ говорила Ирина... Ты про боярина... Я знаю...

И она снова заплакала, опустившись на скамью закрывая лицо руками.

Долго въ безмолвномъ отчаяннн стоялъ передъ ней Өома.

— Кто сказалъ тебѣ это? упавшимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Отецъ.. чуть слышно отвѣтила Ирина...

Всѣми силами скрывалъ отъ нея Ѳома свое предательство. Всѣмъ было извѣстно въ Москвѣ, что боярѣ Романовыхъ предалъ ихъ дворовый, но кто именно, мало кто зналъ, да и тѣ помалкивали. О милостяхъ, дарованныхъ Бартеневу, не было объявлено всенародно, какъ о Воинкѣ.

Внезапную перемѣну судьбы мужа Ирина объясняла себѣ тѣмъ, что царь захотѣлъ наградить своихъ вѣрныхъ слугъ имѣнъемъ опальнаго боярина, что бывало нерѣдко, такъ какъ царь Борисъ всѣми мѣрами старался привлечь къ себѣ любовь боярскихъ дворовыхъ. Съ одной стороны этимъ онъ поощрялъ доносы, а съ другой, показывалъ, что быть государевымъ прибыльнѣе, чѣмъ боярскимъ, и что съ опалой боярина его холопы только выигрывали...

Афанасьевъ, конечно, зналъ истинную причину возвышенія Ѳомы и только радовался этому, находя это до такой степени естественнымъ, что не счелъ даже нужнымъ говорить объ этомъ съ дочерью. Онъ думалъ, что она раздѣляетъ его взгляды. И разговоръ, въ которомъ онъ все высказалъ ей, произошелъ совершенно случайно. Огорченный своимъ неуспѣхомъ, онъ сталъ жаловаться на свою неудачу и помянулъ, какъ все удается другимъ, на примѣръ, Воинку и Ѳомѣ. Ирина стала его спрашивать и онъ рассказалъ всѣ подробности, какія зналъ самъ и какія слышалъ отъ Семена Никитича.

— Такъ, Ирина, послѣ долгаго молчанія началъ Ѳома, — ты узнала мой тяжкій грѣхъ. Да судить меня Господь и моя совѣсть, что не даетъ мнѣ покоя ни днемъ ни ночью... Что мѣшаетъ мнѣ любоваться вами, видѣть солнце Божіе...

Ирина жадно слушала его и лицо ея свѣтлѣло. Ѳома говорилъ о мукахъ своей совѣсти, о любви, которая

толкнула его на этотъ грѣхъ. Потомъ говорилъ объ искупленіи. Разказалъ ей о томъ, какъ онъ спасъ Марю съ дѣтьми отъ происковъ Семена Никитича, разказалъ объ ихъ бѣгствѣ, о своихъ заботахъ и о тайничкѣ и прерывающимся голосомъ онъ закончилъ:

— И сейчасъ, оставивъ тебя и его, онъ указалъ рукой на горницу, гдѣ спалъ его сынишка, — и сейчасъ я ѣду спасать ихъ... И Богомъ клянусь, или спасу, или погибну за нихъ... Ты ли судить меня будешь?...

— О, любезный, желанный... воскликнула Ирина... — Нѣтъ, не мнѣ судить тебя... Иди же, иди, торопись!.. Богъ простилъ тебя, въ подмогу обиженнымъ тобою... А я... Ты дороже мнѣ прежняго... Иди же!..

— Ирина, спасибо! дрогнувшимъ голосомъ сказалъ Оома.

XXIII.

Морозной ночью, по глухимъ тропамъ вѣковыхъ лѣсовъ ѣдутъ крытые возки. Ихъ два. Въ одномъ Домна съ Машей, въ другомъ Марѳа съ Мишей. За ними два всадника: Бартеневъ и Лука. Правятъ возками дворовые Оомы Васильича. Подъ грубыми полушубками у нихъ пистолеты и короткія сабли.

Марѳа и дѣти и Домна одѣты въ грубую крестьянскія одежды. Никто не узнаетъ, что ѣдетъ съ дѣтьми знатная боярыня. Тяжелый сундучокъ лежитъ у ея ногъ. Далеко въ сторонѣ отъ большой дороги, глухимъ лѣсомъ пробираются они на Дмитровъ, Переяславль и дальше на Кострому. Бартеневъ рѣшилъ проводить ихъ, пока не мигуетъ опасность погони. Иванъ пока остался въ усадьбѣ, чтобы сбить со слѣду. Когда нагрянетъ Воинко, онъ скажетъ, что боярыня уѣхала въ Тверь. Холодно и жутко въ темномъ, густомъ лѣсу. Маша притихла и широко раскрытыми глазами

смотреть въ зловѣщій мракъ, окружающій ее. Какъ все странно и непонятно. Отъ спокойной, привольной жизни — вдругъ тюрьма, глухія мѣста, бѣгство въ темныя ночи... Что-то будетъ дальше?

Миша то дремлетъ, то вскрикиваетъ отъ испуга, то жалуется на холодъ. Мать прикрываетъ его своимъ полушубкомъ, согрѣваетъ своимъ дыханьемъ его окоченѣвшія ручки...

Семень Никитичъ радостно встрѣтилъ вѣсти Воинки и, снарядивъ небольшой отрядъ человекъ въ десять стрѣльцовъ, послалъ съ нимъ своего ближайшаго помощника, извѣстнаго Чужого, Степана Гаврилыча.

Но и на этотъ разъ Семена Никитича ждало полное разочарованье. Гнѣздо было пусто. Остались только Архипъ съ Ѳедосьей да Иванъ.

Въ бѣшенствѣ Воинко приступилъ къ нимъ, но добиться ничего не могъ. Куда уѣхали боярыня, про то имъ невѣдомо. Поѣхала съ дѣтьми на Тверь, а куда именно и зачѣмъ, имъ не сказывала...

«На Тверь, думалъ Воинко, — зачѣмъ?» Со своими холопами онъ тщательно осмотрѣлъ мѣстность и одинъ изъ его холоповъ сказалъ ему, что слышалъ, будто въ ночь какіе-то возки изъ вотчины Романовыхъ проѣхали на Дмитровъ.

Тогда Воинко распорядился. Стрѣльцы со своимъ десятскимъ понесли по дорогѣ на Тверь, а самъ онъ съ Чужимъ и нѣсколькими холопами бросился по дорогѣ на Дмитровъ...

По промерзлой землѣ глухо и звонко отдавался лошадиннй топотъ.

— Ѳома Васильичъ, скачутъ, тихо произнесъ Лука...

— Скачутъ, прислушиваясь отвѣтилъ Ѳома. — Готовъ ли ты?

— Готовъ, Ѳома Васильичъ, отозвался Лука,

пробуя, хорошо ли ходить сабля въ ножнахъ.

Өома двинуль коня и прошепталъ нѣсколько словъ возницамъ. Марѳа съ Мишей и Домна съ Машей дремали...

Топоть приближался.

Өома перекрестился.

— Будь готовъ, произнесъ онъ, обращаясь къ Лукѣ и обнажая саблю.

Лука молча наклонилъ голову.

Взошла луна и сказочнымъ свѣтомъ облила лѣсъ, казавшійся серебрянымъ.

Но вотъ впереди показались несущіеся всадники. Впереди всѣхъ Воинко. Бартенева сразу узналъ его, также, какъ и Чужого, скакавшаго рядомъ съ нимъ. Бѣглымъ взглядомъ окинулъ онъ преслѣдователей. Ихъ было много, человекъ двѣнадцать, а здѣсь — четверо. Чувство злобы и отчаянья наполнило сердце Бартенева.

— Ну что же, рѣшилъ онъ, — оно можетъ и лучше. Умру и грѣхъ свой покрою.

По его приказу возки остановились и возницы подбѣжали къ Өомѣ. И онъ и Лука слѣзли съ коней, поставивъ ихъ заслономъ поперекъ дороги, и всѣ четверо стали за ними.

Воинко подскакалъ и при ясномъ лунномъ свѣтѣ сразу узналъ Өому.

— А, Өома Васильичъ, здравствуй! громко крикнулъ онъ, — такъ я и зналъ. Ну-ка пропусти пріятель. Вѣдомо намъ, что везешь.

Скакавшій рядомъ съ Воинкомъ Степанъ Гаврилычъ тоже закричалъ:

— Такъ вотъ ты каковъ, Өома Васильичъ?

— Да, я таковъ, глухо отвѣтилъ Бартенева и сдѣлалъ знакъ Лукѣ. По этому знаку Лука одновременно съ Өомой, вскочили на коня.

Бартенева близко подѣхалъ къ Воинку. Въ это

время уже подтянулись холопы Воинка.

— Ну, Оома Васильчъ, насмѣшливо произнесъ Воинко, — теперь по указу великаго государя поверника возки вспять.

— И то, Оома Васильчъ, вмѣшался Чужой, — нечего время терять, ну-ка!..

И онъ тронулъ коня.

— Стой, закричалъ не своимъ голосомъ Оома, — стой, ты не пойдешь дальше!

И съ этими словами онъ обнажилъ саблю. Его примѣру послѣдовалъ и Лука.

Отъ неожиданной остановки и громкаго разговора проснулись женщины, а за ними дѣти. Увидя, что въ возкахъ нѣтъ возницъ, и возки стоятъ среди лѣса, женщины перепугались, высунулись изъ возковъ и со страхомъ смотрѣли, что случилось. Дѣти подняли крикъ.

— Ну, нечего проводить время, продолжалъ Воинко, быстро обнажая саблю. — Впередъ! повторилъ онъ, обращаясь къ своимъ холопамъ.

— Впередъ, повторилъ какъ эхо Чужой, съ обнаженной саблей надвигаясь на Луку.

Въ глазахъ Бартенева потемнѣло.

— Ты не пойдешь, дальше, Богомъ клянусь, крикнулъ онъ и поднялъ саблю.

Въ немъ пробудилась вся ненависть и ревность, нѣкогда кипѣвшая въ его сердцѣ, когда онъ былъ униженъ и оскорбленъ въ домѣ сотника.

Въ душѣ Воинки тоже горѣла ненависть, и съ дикимъ крикомъ онъ опустилъ саблю на голову Бартенева. Бартеневъ едва успѣлъ отклониться и въ ту же минуту быстрымъ, какъ молнія, движеніемъ ударилъ по головѣ Воинка. Воинко тихо ахнулъ, склонился къ гривѣ коня и медленно упалъ, словно сползъ на дорогу. Его стону отвѣтилъ другой. Это Лука ударилъ въ шею Чужого... Раздался пронзительный крикъ испуганной

Марѳы. Ему вторили крики дѣтей.

Ожидая нападенія холоповъ, Ѳома выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ; Лука послѣдовалъ его примѣру. Вынули пистолеты и обнажили сабли и возницы. Но къ удивленію Бартенева, никто изъ преслѣдовавшихъ не тронулся.

— Уберите своего боярина! крикнулъ Ѳома.

Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ. Люди Воинка что-то тихо говорили между собой.

Бартеневъ ждалъ.

— Прощай, бояринъ, услышалъ онъ вдругъ чей-то голосъ, и, повернувшись, преслѣдователи тихо поѣхали назадъ.

На озаренной луннымъ свѣтомъ дорогѣ, чернѣли два тѣла, — Чужого и Воинки.

Бартеневъ слѣзъ съ коня и подошелъ къ нимъ. Сомнѣнья не могло быть. Голова Воинка была разрублена пополамъ. Что касается Чужого, то у него голова была почти отдѣлена. Съ невольной дрожью отвернулся Ѳома, осѣняя себя крестнымъ знаменемъ.

Потомъ онъ подошелъ къ возку и успокоилъ Марѳу.

— Опасность миновала, боярыня, сказалъ онъ, — никто уже не донесетъ... Поѣзжайте съ Богомъ...

По ночамъ — волчій вой, ночлеги по убогимъ деревушкамъ, страхъ разбойниковъ и погони, подчасъ голодъ и всегда холодъ...

Сотни верстъ ѣхала Марѳа съ дѣтьми, сопровождаемая слугами Ѳомы. Самъ онъ долженъ былъ вернуться въ Москву, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія.

XXIV.

Далеко въ глаза бросаются бѣлыя, крѣпкія

стѣны съ бойницами, съ многочисленными башнями и золотые купола церквей.

Это Ипатьевскій монастырь. Полуостровъ, на которомъ воздвигнутъ онъ, омывается — съ одной стороны — Волгой, съ другой — Костромой, маленькой, но быстрой рѣчкой.

Самъ монастырь больше напоминаетъ крѣпость. Есть и подземные ходы подъ толстыми стѣнами и страшные, каменные мѣшки, гдѣ могутъ умирать и плѣнные враги, если бы они были, и преступные иноки.

Костромская вотчина Романовыхъ послѣ ихъ опалы была отписана на государя, опустошена и разграблена.

Увидя разоренье родного гнѣзда, Марѳа рѣшила искать убѣжища въ монастырѣ.

Ипатьевскій монастырь, помня обильныя жертвованія Романовыхъ, пріютилъ въ своихъ несокрушимыхъ стѣнахъ изгнанницу съ дѣтьми, тѣмъ болѣе, что боярыня, пользуясь завѣтнымъ сундучкомъ, даннымъ ей Бартеневымъ, снова щедрой рукой пожертвовала на нужды монастыря.

Ипатьевскій монастырь пользовался большой извѣстностью. То и дѣло въ монастырь приходили и пріѣзжали на богомолье близкіе и дальніе, богатые и бѣдные, знатные и худародные. Монастырь радушно принималъ всѣхъ. Пріѣздъ Марѳы съ дѣтьми, одѣтыми, какъ и она сама, въ простыя одежды, не обратилъ на себя ничьего вниманія. Только одинъ настоятель, старецъ Іосифъ, зналъ, какую знатную боярыню и почему, пріютилъ въ своихъ стѣнахъ монастыря.

Іосифъ отвелъ бѣглецамъ покои недалеко отъ своихъ, назначилъ для услугъ скромныхъ, не болтливыхъ служекъ и, вообще, окружилъ ихъ возможнымъ вниманіемъ.

Марѳа успокоилась за дѣтей, но тревога за мужа

и родственниковъ не покидала ее. Она боялась, что мстительный царь обрушить на нихъ гнѣвъ свой. Она подѣлилась своими тревогами съ настоятелемъ. Старый Іосифъ скоро придумалъ, какъ собрать вѣсти. Онъ просто рѣшилъ отправить какого-либо молодого монаха обители, яко бы для сбора на храмъ. Такіе монахи сотнями ходили по лицу земли русской. Подъ видомъ сборщика, монаху легко было проникнуть и въ Антоніевъ монастырь и въ Юрьевскую отчину.

Іосифъ выбралъ монаха Θεодосія, крѣпкаго и сильнаго мужчину, среднихъ лѣтъ, молчаливаго и вѣрнаго, много испытываго на своемъ вѣку, прежде чѣмъ попасть въ тихую обитель. Іосифъ объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, а Марѳа щедро снабдила деньгами. Θεодосій сперва не хотѣлъ брать, но она упростила его, говоря, что надо торопиться, а лошади денегъ стоятъ, а въ случаѣ чего и дать надо кому слѣдуетъ.

Получивъ благословеніе игумена и провожаемый мольбами и пожеланіями Марѳы, Θεодосій ушелъ...

Дни сменялись днями, не принося перемѣнъ. Тревожные дни опасности, инстинктивно чувствуемые ребенкомъ, наложили свой отпечатокъ на характеръ Михаила. Онъ сталъ задумчивъ не по-дѣтски, не по-дѣтски усердно и горячо молился. Ему было уже семь лѣтъ, но онъ казался старше по своему росту и вдумчивому взгляду.

Въ монастырѣ привыкли къ нимъ и полюбили всегда кроткую и тихую Марѳу, добрую Домну, щедро помогавшую бѣднымъ отъ имени боярыни, и ласковыхъ дѣтей. Хотя Іосифъ тщательно скрывалъ имя боярыни, но въ монастырѣ уже шептались и догадывались. Должно-быть проболтался какой-нибудь келейникъ, подслушавшій тайный разговоръ настоятеля съ боярыней, или ихъ узналъ одинъ изъ дворовыхъ Костромской отчины. Кто знаетъ? Но монахи тоже

хранили тайну.

Наступила весна. Вскрылась Волга и Кострома рѣка. Покрылись молодой зеленью монастырскіе сады, и въ ихъ душистой глуши уже робко прозвучали первые, неувѣренные соловьиные напѣвы.

Марѳа затосковала. Долго по вечерамъ сидѣла она въ саду и ея мысли уносили ее далеко, далеко къ счастливому прошлому, къ берегамъ Москвы рѣки, въ родимый садъ, гдѣ она была такъ счастлива...

Наконецъ вернулся Θεодосій, загорѣлый, съ обвѣтреннымъ лицомъ, въ грубой одеждѣ... Онъ утѣшилъ Марѳу. Онъ привезъ письмо и благословеніе Филарета. Филаретъ въ длинномъ письмѣ говорилъ о своей жизни. Онъ не испытывалъ никакихъ утѣсненій. Царь словно забылъ о немъ. Единое горе его — разлука съ женой и дѣтьми. Онъ надѣялся на милосердіе Божіе и благословлялъ жену и дѣтей.

«Крѣпитесь, мои бѣдныя, писалъ онъ, — Господь не оставитъ васъ. Не даромъ донынѣ хранила васъ Его святая десница»!..

Марѳа плакала, читая это письмо.

Былъ Θεодосій и въ Юрьевѣ-Польскомъ. Тамъ тоже все было покойно и никто изъ изгнанниковъ не пострадалъ. Оттуда тоже было письмо.

Марѳа совсѣмъ успокоилась. Со слезами радости говорила она дѣтямъ, что отецъ и тетки живы и здоровы, что скоро настанутъ лучшія времена и они всѣ соединятся вмѣстѣ.

Передавъ письма Марѳѣ и рассказавъ ей при настоящелѣ все, что видѣлъ собственными глазами, Θεодосій остался наединѣ съ Іосифомъ.

Ихъ разговоръ длился всю ночь. То, что онъ рассказалъ игумену, было ново и удивительно. Вездѣ, гдѣ только ни проходилъ Θεодосій, только и рѣчи было о новоявленномъ царевичѣ Дмитріѣ. Вездѣ волновался

народъ, всѣ съ нетерпѣніемъ ждали этого царевича, про котораго говорили, что онъ добръ и великодушенъ. Царевичу покровительствуетъ самъ польскій король, и царь Борисъ уже отправилъ къ нему пословъ. Царь говоритъ, что это-де бѣглый монахъ Чудова монастыря, келейникъ патріарха Іова, Гришка Отрепьевъ, но никто не вѣритъ царю...

— Начнется великая разруха земли, произнесъ Іосифъ, качая сѣдой головой.

— А если и впрямь онъ царевичъ? отвѣтилъ Θεодосій.

Іосифъ пристально посмотрѣлъ въ суровое лицо монаха.

— Тогда, медленно произнесъ онъ, — Господь покараетъ царя Бориса, и съ нимъ всю Русь православную. Но кто бы ни былъ сей чудный пришлецъ, берегись говорить о немъ...

Онъ благословилъ Θεодосія и отпустилъ его. И долго по его уходѣ стоялъ старецъ на колѣняхъ и горячо молился.

Но снова уже скоплялись тучи надъ головой изгнанниковъ.

Въ Москвѣ неистовствовалъ Семень Никитичъ. Царь на все смотрѣлъ его глазами, дѣлалъ то, что говорилъ онъ, и кровь на Москвѣ лилась и лилась...

Онъ снова убѣдилъ царя въ необходимости имѣть при дворѣ, въ своихъ рукахъ, какъ заложниковъ, знатнѣйшихъ бояръ. Онъ окружилъ целой сѣтью шпионовъ Мстиславскихъ, Шуйскихъ и другихъ. По его настояніямъ царь послалъ указы всѣмъ своимъ воеводамъ немедленно доставить на Москву Михаила Романова, какъ только найдутъ его.

Со смертью Воинки и Чужого, Семень Никитичъ потерялъ всѣ слѣды. Особенно строгіе наказы были отправлены въ тѣ воеводства, гдѣ были отчины

Романовыхъ; Семень Никитичъ справедливо разсудилъ, что бѣглецы должны отправиться туда, гдѣ есть преданные люди.

Въ одинъ ясный день съ многочисленной свитой пріѣхалъ къ Іосифу въ монастырь Костромской воевода.

Встрѣченный съ почетомъ воевода Стрѣшневъ отслушалъ обѣдню и потомъ прошелъ въ настоятельскіе покои.

Закусивъ и выпивъ, онъ приказалъ удалить прислуживавшихъ келейниковъ и, когда остался наединѣ съ Іосифомъ, показалъ ему царскій указъ.

Іосифъ внимательно прочелъ его и поблѣднѣлъ.

— Такъ-то, отче, началъ воевода, — не пойдешь противъ царя. Не буду говорить пустого. Прочелъ и смекай.

Онъ помолчалъ, а потомъ, выпивъ кружку меду, продолжалъ:

— Служба, ничего не сдѣлать. Помни только, отче, что я знать ничего не знаю, а коли донесутъ мнѣ — иная сказка будетъ...

Іосифъ грустно поникъ головой.

Куда дѣться Марѣ съ дѣтьми? Гдѣ укрыть ее? А хранить здѣсь уже нельзя.

XXV.

Причудливые узоры вышиваетъ судьба, и иногда исторія бываетъ чудеснѣе сказки.

Въ то время, какъ вѣчно гонимая Марѣа лишалась послѣдняго убѣжища и не знала, куда направиться и гдѣ укрыться отъ злобныхъ преслѣдователей, уже много лѣтъ думалъ о судьбѣ ея дѣтей, главнымъ образомъ, сына и ждалъ минуты, чтобы притти имъ на помощь, забытый всѣми въ глухомъ монастырѣ Макарьевскомъ на Унжѣ старецъ (не по

возрасту, а по иноческому сану) Давидъ, въ мѣрѣ Хвостовъ, нѣкогда любимый постельничій царя Θεодора.

Въ пятистахъ верстахъ отъ Москвы, среди дремучихъ лѣсовъ, стоитъ этотъ глухой монастырь, и настоятелемъ его былъ уже шесть лѣтъ таинственный старецъ Давидъ.

Отъ пышной придворной жизни молодой и блестящей постельничій послѣ смерти царя Θεодора явился въ глухую обитель съ богатой казной и царскими дарами.

Игуменомъ былъ тогда старецъ Ефремъ, праведный и суровый инокъ. Что говорили они въ долгія ночи, никому невѣдомо, но только вскорѣ по своемъ прибытіи Давидъ, по порученію игумена, приступилъ къ какимъ-то таинственнымъ работамъ. Онъ сломалъ игуменскія келіи и сталъ строить новыя. Въ число помощниковъ Ефремъ назначилъ ему самыхъ преданныхъ и вѣрныхъ изъ братіи. Монахи шопотомъ передавали другъ другу, что старецъ взялъ съ нихъ страшную клятву — хранить въ тайнѣ свои работы.

Настоятель Ефремъ умеръ и, умирая, завѣщалъ братіи избрать своимъ головой Давида. Такъ Давидъ и былъ избранъ настоятелемъ Макарьевского на Унжѣ монастыря.

Передъ старцемъ Давидомъ стоялъ блѣдный и худой инокъ. На столѣ горѣла оплывшая свѣча, передъ кіотомъ свѣтились многочисленныя лампы. Настоятель былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ черной бородой, слегка тронутой сѣдиной, съ большими черными глазами, хранившими какую-то заповѣдную думу.

— Садись, отче Иванъ, сказалъ настоятель.

Иванъ опустился на скамью.

— Тяжко хранить про себя тайну великую, началъ Давидъ, — но часъ насталь, слушай.

Онъ всталъ и въ волненіи заходилъ по кельѣ.

— Шесть лѣтъ берегъ я эту тайну, насталь часъ сложить это бремя. Слушай, отецъ Иванъ, и исполни все, что говорю я тебѣ. Не даромъ схоронилъ я свою молодость въ глухихъ Унженскихъ лѣсахъ. Слушай...

Давидъ собрался съ мыслями и продолжалъ.

— Это было въ годъ смерти блаженной памяти царя Θεодора. Царь предчувствовалъ свою раннюю кончину, и скорбѣло его сердце о судьбѣ державы его. Какъ постельничій, я нерѣдко проводилъ ночи въ царской опочивальнѣ... Помню одну ночь... Долго молился царь, долго... часа два. Смирно лежалъ я, не смѣя шелохнуться. Но вотъ, царь поднялся съ колѣнъ, ясенъ и свѣтелъ лицомъ. Не хотѣлъ тревожить меня, тихо этакъ подошелъ къ одру своему. Тутъ я всталъ — оправить царскую постель и помочь государю лечь.

— «Ты не спишь? тихо да ласково спросилъ царь. — Ну и хорошо. Болитъ сердце мое, прозрѣваю окомъ душевнымъ грядущее... Темно оно. Но Богъ просвѣтилъ меня. Сядь сюда поближе и слушай, что скажетъ тебѣ царь...»

Я сѣлъ въ ногахъ царской постели на табуретѣ.

Царь продолжалъ, шопотомъ, словно съ опаской.

— «Не въ батюшку пошелъ я разумомъ, но Богъ по молитвѣ умудрилъ сердце мое. Горе вижу я... Я боюсь Бориса, не добро будетъ отъ него... Послѣ смерти Митеньки оторвался онъ отъ сердца моего...»

Слезы проступили у меня на глазахъ, продолжалъ Давидъ, и при воспоминаніи объ этихъ минутахъ его глаза опять наполнились слезами...

— Прильнулъ я къ его рукѣ, а онъ говоритъ:

— «Полно, оставь, слушай до конца... Хотѣлъ я царство свое поручить, умирая, Θεодору Романову, да крутъ онъ... А Бориса страшно... Слушай, о прошломъ годѣ у боярина Θεодора сынъ родился, Михаилъ... Золь Борисъ, а быть ему царемъ, чую это... Такъ вотъ, тутъ

царь поднялся на локоткахъ и, наклонясь ко мнѣ прошепталъ:

— Не утайлъ отъ меня Господь... Одно скажу, береги Мишу, клянись... Будетъ трудное время, береги его... Помни Митеньку...»

И запала мнѣ мысль въ голову — спасти Михаила. Всѣ знали мы, какъ не любилъ Борисъ Годуновъ Романовыхъ еще съ той поры, какъ Иванъ Васильичъ сказалъ ему, чтобы при царѣ Θεодорѣ всегда Романовы были...

Думалъ я и надумалъ. Уйду далеко, сдѣлаю потайное убѣжище и укрою Михаила отъ Борисовой грозы. Сказалъ объ этомъ царю; обнялъ, благословилъ онъ меня; думали, гадали съ нимъ и порѣшили на Унженскомъ монастырѣ. Въ скорости и отѣхалъ я, а потомъ и царь Θεодоръ почилъ. Все такъ и вышло. Бориса царемъ избрали... Узналъ я, что Романовы въ опалу попали. Кого на Бѣлоозеро, кого въ Антоніевъ... Всѣхъ раскидали...

Затаивъ дыханіе, слушалъ Иванъ слова настоятеля.

— Узналъ я, продолжалъ Давидъ, — что царь смилостивился надъ ними и дозволилъ имъ жить въ отчинѣ ихъ, Юрьевѣ Польскомъ... А потомъ опять гоненія. Сходи ты, Христа ради, поразвѣдай, гдѣ Миша, а коли сможешь, привези его сюда. Богу послужишь и землѣ русской. Земно кланяюсь тебѣ.

И настоятель низко склонился, касаясь пола рукой. Иванъ вскочилъ и поцѣловалъ его руку.

— Куда хочешь, отецъ игумень торопливо произнесъ онъ.

Давидъ обнялъ и поцѣловалъ его.

— Иди же съ Богомъ! Казны не жалѣй...

На разсвѣтѣ Иванъ уже вышелъ изъ монастыря.

Это было въ то время, когда боярыня укрывалась

въ Клинской отчинѣ.

Трудно было найти слѣды Михаила, но Иванъ былъ смѣль и энергиченъ. Онъ зналъ, гдѣ Романовы, и отправился на поиски. Сознавая, что время дорого, онъ не жалѣлъ денегъ, почти не спалъ, и первый путь свой направилъ къ Филарету въ Антоніевъ Сійскій монастырь. Но Филаретъ ничего не могъ сказать ему. Онъ давно не имѣлъ никакихъ извѣстій о семьѣ. Зналъ онъ, что были они въ Юрьевѣ, но это было давно, а потомъ дошли до него слухи, что они бѣжали; куда и что съ ними, несчастный отецъ не могъ сказать.

— Поѣзжай къ брату Александру въ Усолье-Луду, посовѣтоваль онъ. — Знаю я, что Александръ оставилъ на Москвѣ вѣрнаго человѣка, тотъ скажетъ.

Отецъ Иванъ, не теряя времени, направился въ далекій и опасный путь къ Бѣлому морю.

Александръ Никитичъ умиралъ, въ убогой лачугѣ, холодной и непріютной, подъ надзоромъ грубыхъ, вѣчно пьяныхъ приставовъ, пропивавшихъ его паекъ, державшихъ его въ голодѣ. Хотя цѣпи были съ него уже сняты, но кровавыя раны отъ нихъ не закрывались...

При помощи денегъ Ивану не трудно было добратъся до него.

Спившіеся пристава храпѣли. Иванъ былъ наединѣ съ бояриномъ. За окномъ шумѣла непогода, слышался грозный ревъ взволнованнаго моря. Едва прикрытый рванымъ зипуномъ Александръ Никитичъ дрожалъ отъ холода. Иванъ накинулъ на него свой полушубокъ.

Страшно было смотрѣть на мученическое лицо боярина. Узнавъ, зачѣмъ пріѣхалъ отецъ Иванъ, Александръ Никитичъ оживился и, собравъ послѣднія силы, торопливо заговорилъ:

— Что сдѣлали со мной! Изверги! Но царь

Борисъ погибнетъ... Богъ все видитъ... Миша еще малъ... другіе накажутъ его... Да, ты спрашиваешь, гдѣ Миша? Я не знаю... Но... слушай... Въ Москвѣ остался кладъ... этотъ кладъ въ рукахъ Ѳомы Васильича Бартенева, понялъ? Найди его...

Но Иванъ ничего не понималъ. Слова о какомъ-то кладѣ казались ему бредомъ.

— Что ты, бояринъ? спросилъ онъ, — какой кладъ?

Александръ Никитичъ улыбнулся блѣдными губами.

— Кладъ заповѣдный, тихо сказалъ онъ... — Ты только найди Бартенева... Онъ знаетъ...

Бояринъ разстегнулъ воротъ рубахи и вынулъ цѣпочку.

— Вотъ, слабѣющимъ голосомъ продолжалъ онъ, — сними кольцо... Онъ былъ моимъ казначеемъ... Онъ знаетъ это кольцо, что царь Иванъ Васильичъ снялъ съ руки умершей жены Анастасіи, тетки моей, и отдалъ отцу...

Иванъ осторожно снялъ кольцо и бережно спряталъ у себя за пазухой.

Бояринъ захрипѣлъ и откинулся на спину. Иванъ въ ужасѣ бросился къ нему. Александръ Никитичъ тяжело дышалъ... Дыханье становилось рѣже и медленнѣе и, наконецъ, затихло.

Александръ Никитичъ былъ мертвъ.

Иванъ произнесъ надъ нимъ короткую молитву, сложилъ руки ему, закрылъ глаза и, не будя храпѣвшихъ приставовъ, вышелъ изъ лачуги...

Ему предстоялъ далекій путь...

XXVI.

Иванъ безъ труда нашелъ Бартенева на Москвѣ,

и передалъ ему кольцо и послѣднія слова его бывшаго господина. Слезы текли изъ глазъ Θомы, когда онъ слушалъ разсказъ отца Ивана...

— Хорошо, промолвилъ онъ, — иди за мной. Я сдержалъ свою клятву, данную самому себѣ.

Онъ провелъ Ивана въ тайничекъ. Иванъ былъ пораженъ.

— И я скажу тебѣ, гдѣ Михаилъ.

Тутъ онъ передалъ отцу Ивану все, что зналъ о Марѣ съ дѣтми, вплоть до ея побѣга въ Ипатьевскій монастырь, и о распоряженіяхъ царя по воеводствамъ.

— Ъдемъ же!..

Но Бартеневъ уже боялся оставить жену и ребенка въ Москвѣ. Онъ рѣшилъ бѣжать вмѣстѣ съ ними, зная, что Семенъ Годуновъ не пощадитъ ихъ...

Шли дни. Іосифъ все больше скорбѣлъ душою, не видя никакого исхода. Онъ все не могъ придумать, куда укрыть боярыню, и съ ужасомъ ждалъ съ минуты на минуту несчастья...

Въ обитель пріѣхали новые богомольцы. Іосифу доложили, что прибылъ богатый бояринъ съ женой, ребенкомъ и слугами.

Это былъ Бартеневъ. Вслѣдъ за ними прибылъ и отецъ Иванъ. Было рѣшено скрыть даже отъ Іосифа мѣсто дальнѣйшаго пребыванія боярыни.

— Ты, бояринъ, опять ты! воскликнула Марѣа, увидя входящаго Бартенева, — самъ Богъ посылаетъ тебя...

Бартеневъ былъ тронутъ и смущенъ.

Дѣти довѣрчиво подошли къ нему, но онъ не смѣлъ и не рѣшался приласкать ихъ.

— Боярыня, произнесъ онъ, не поднимая глазъ, — надо спасаться. Довѣрься мнѣ...

— О, кому же и вѣрять, какъ не тебѣ, воскликнула боярыня...

— Не спрашивай, куда мы ѣдемъ, продолжалъ Бартеневъ, — вѣрь мнѣ.

— Я пойду всюду, куда ты укажешь, торжественно произнесла боярыня.

— И я тоже, смѣло проговорилъ Миша, ясными глазами глядя на Оому. — Ты не обманешь, и онъ протянулъ Оомѣ руку.

Густая краска залила лицо Оомы, онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ протянутой руки, и низко опустилъ голову.

— Собирайся, боярыня, тихо сказалъ онъ и вышелъ...

И снова начались скитанья по дикимъ лѣсамъ, къ глухой обители Макарьевской...

Макарьевскій монастырь отъ Ипатьевского находится примѣрно верстахъ въ двухстахъ. Но путь былъ утомителенъ и дологъ, такъ какъ дорогъ никакихъ не было, и приходилось пробираться глухимъ вѣковымъ лѣсомъ. Деревни были рѣдки и бѣдны. Трудно было мѣнять лошадей...

Когда Давидъ встрѣтилъ, наконецъ, такъ долго жданнаго имъ Михаила, онъ прослезился, благословляя его. Бартеневъ передалъ настоятелю заповѣдный кладъ дома Романовыхъ и попросилъ для себя и своей семьи также пріюта въ монастырѣ...

Да, не даромъ Давидъ нѣсколько лѣтъ готовилъ убѣжище... Бѣлыя стѣны монастыря словно погребли Марѳу съ дѣтьми. Даже Бартеневъ не могъ понять, гдѣ они могли скрыться.

Боясь какихъ-нибудь доглядчиковъ, онъ съ разрѣшенія настоятеля одѣлъ рясу послушника, жена поселилась въ страннопріимномъ монастырскомъ домѣ...

Былъ 1604 годъ. Даже въ Макарьевскій монастырь донеслись слухи о чудномъ самозванцѣ. Тѣмъ ревнивѣ охранялъ Давидъ тайну пребыванія у него

Романовыхъ.

Не даромъ его прозвали «строителемъ». Никто, осмотрѣвши его покой, не догадался бы о существованіи тайнаго хода въ тайныя горницы.

За большимъ образомъ Спасителя находилась скрытая дверь; она вела въ свѣтлыя комнаты, гдѣ жили Романовы. Изъ этихъ комнатъ былъ подземный ходъ въ настоятельскій садъ, окруженный высокой стѣной. Часто монахи, работая въ другой части сада или на дворѣ у высокой стѣны, оставляли работу, слыша звонкій дѣтскій смѣхъ и крики въ настоятельскомъ саду.

— Чудеса, говорили они улыбаясь, — надо сказать отцу игумену...

Бартеневъ на ряду съ рабочими иноками отправлялъ самыя тяжелыя работы. Успокоеніе сошло въ его душу. Онъ исповѣдался у Давида и открылъ ему все. Давидъ отпустилъ ему грѣхи и благословилъ его на новую жизнь.

Въ мирной тишинѣ глухой обители неслышно текли дни за днями. Уже, какъ разбушевавшее море, кипѣла вся Русь. Самозванецъ или тотъ, кого называли самозванцемъ, подъ именемъ царевича Дмитрія подвигался къ предѣламъ Россіи, въ сопровожденіи польскихъ отрядовъ, ищущихъ приключеній и добычи, и буйныхъ запорожцевъ. Царь Борисъ растерялся. Его грамоты не производили на народъ никакого впечатлѣнія; муки и казни только укрѣпляли въ мысли, что царевичъ былъ истинный сынъ Ивана Васильевича.

Наконецъ невѣдомый пришлецъ со своими шайками вторгся въ предѣлы Россіи. Одинъ за другимъ сдавались ему города; Черниговъ, Путивль, Рыльскъ — встрѣтили его хлѣбомъ-солью.

Сѣверская страна признала его своимъ государемъ.

Пришла и прошла зима. Снова наступила весна.

Уже годъ, какъ Марѳа съ дѣтьми жила въ монастырѣ, чувствуя себя въ полной безопасности. Въ монастырѣ уже все волновались... Царевичъ побѣдоносно шелъ къ Москвѣ.

Марѳа, слушая отъ Давида рѣчи о царевичѣ, всей душой желала ему успѣха и даже искренне вѣрила, что это сынъ Ивана Васильевича. Она такъ ненавидѣла, такъ боялась Бориса, что готова была повѣрить всему...

Тихо въ саду, только дѣтскій смѣхъ нарушаетъ порою его тишину. Марѳа сидѣла на скамьѣ и вышивала. Она привыкла къ своей неволѣ. На дорожкѣ показался Давидъ. Его лицо было серьезно и озабочено.

Марѳа поднялась ему навстрѣчу.

— Чего новаго, отецъ Давидъ? спросила она.

— Темно впереди, отвѣтилъ онъ поникая головой, — но твоего злѣйшаго врага уже нѣтъ... Онъ тамъ... Давидъ поднялъ руку къ небу.

Марѳа поблѣднѣла.

— Царь Борисъ представился, закончилъ Давидъ.

Марѳа перекрестилась и на ея лицѣ вспыхнулъ яркій румянецъ.

— Воля Божія, произнесла она. — Что же будетъ?

— Царь нынѣ Ѳеодоръ Борисовичъ, отвѣтилъ Давидъ. — Да на долго ли? Слышь, царевичъ Дмитрій чуть не подъ Москвой.

Давидъ былъ правъ.

Со смертью Бориса оборвалась послѣдняя узда. Войска переходили на сторону Дмитрія, бояре измѣняли юному царю. Скоро онъ погибъ «жестокою» смертью, и таинственный пришлецъ, воплотившійся призракъ, царь Дмитрій Іоанновичъ, торжественно вступилъ въ священную Москву.

Кто бы ни былъ этотъ чудный незнакомецъ, но

Марѳа отъ всей души благословляла его. Вступивъ на престоль, Дмитрій первымъ долгомъ поспѣшилъ вознаградить за страданія всѣ жертвы Бориса. Во всѣ края обширнаго царства полетѣли его гонцы съ вѣстями освобожденія и радости. Спѣшно были вызваны Романовы, Черкасскіе, Шестуновы и др. Филаретъ назначенъ Ростовскимъ митрополитомъ. Романовымъ возвращены всѣ ихъ отчины.

— Благослови его Богъ, воскликнула Марѳа, — онъ истинный царь!

Она спѣшила на Москву, куда съѣзжались къ молодому царю всѣ ея родные: мать, мужъ, братья, сестры.

Она плакала, молилась, не считая, одаряла нищихъ, жертвовала на монастырь...

Послѣ торжественнаго напутственнаго молебна, при колокольномъ звонѣ покидала Марѳа тихую обитель, укрывшую ее въ годину гоненія и бѣдствій...

Ей грезился ясный, безбурный путь ея ненагляднаго Миши и тихая, счастливая жизнь Маши.

Бартеневъ тоже торжествовалъ.

Словно сонъ прошли годы страданій и угрызений совѣсти. Обновленный и радостный онъ поклялся всю жизнь отдать дорогой родинѣ.

Таково было настроеніе и всей Руси, освободившейся отъ мрачнаго властвованія царя Бориса, царя одареннаго высокимъ умомъ, жаждавшаго счастья народу, но непонявшаго народа и непонятаго имъ, и погибшаго жертвой темныхъ силъ омраченной и преступной души своей.

Яркимъ лѣтнимъ днемъ уѣзжала Марѳа, полная радостныхъ надеждъ; но впереди уже сгущались тучи и готовились еще горшія бѣдствія и опасности: и для потрясенной Руси и для ея ненагляднаго Миши...

Но будущее скрыто отъ глазъ человѣческихъ и

въ этотъ день она была счастлива.

Ф. Заринъ-Несвицкій.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Издание данной книги осуществляется при поддержкѣ Благотворительнаго фонда возстановленія церкви Святой Живоначальной Троицы съ часовней въ Язвицахъ (<https://xgam-v-yazvichax.ru>), занимающагося реставраціей храма, расположеннаго въ селѣ Язвищи Боровенковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка... Смѣнялись поколѣнія... Въ началѣ XX вѣка въ Язвицахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроень каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣ трехъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разѣхались въ города... Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ умерли еще десятки подобныхъ селъ и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человѣкъ, о чемъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвицахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, оскверненный, но величественный – и ждетъ...

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ все вернется, т. к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли пленкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкѣ научно-проектной документациі.

Если Вы имѣете возможность помочь намъ въ дѣлѣ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчетный счетъ получателя: 40703810655100000343 въ
Сѣверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ Россіи»,
Санктъ-Петербургъ.

ИНН получателя: 7816290748.

Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой Троицы
въ Язвицахъ.

Счетъ Банка получателя: 30101810500000000653.

БИК Банка получателя: 044030653.

Назначеніе платежа: Благотворительное пожертвованіе.

Поддержать насъ можно черезъ мобильное приложение вашего банка воспользовавшись QR-кодомъ (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвования). Въ этомъ случаѣ средства поступятъ на расчетный счетъ.

Съ вопросами вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

КНИГИ ВЪ ДОРЕФОРМЕННОЙ ОРФОГРАФИИ

Представляемъ вамъ книги классиковъ русской литературы, исполненные въ авторской (дореформенной) орфографіи. Изданія являются хорошимъ подаркомъ для ценителей русского языка.

Приобрѣсти книги вы можете перейдя по адресу: <https://pravopisanie.xram-v-yazvichax.ru>, а также въ Интернетъ-магазинѣ OZON.

Доступны на

Человѣка, добротой дающаго, любить Богъ, и недостатокъ дѣль его восполнить

[Книга Притчей Соломоновыхъ 22:8]